

Сама Лонго

**МАТЬ СВОЕЙ
ДОЧЕРИ**

Саша Лонго

Мать своей дочери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27809379

ISBN 9785449005687

Аннотация

Книга Саши Лонго «Мать своей дочери» про разность женских судеб в одной семье, о собственном пути каждой к своим берегам, прихотливой вязи их отношений, в которых намешано все — любовь и ненависть, вина и прощение, повиновение и бунт на корабле, ни с чем не сравнимая сладость, никак не выраженная боль, неизбежное сходство и яростное его отрицание. А еще конкуренция, борьба, страх, обида... Первый опыт нашего «вместе» и первая попытка быть отдельно. Одним словом, эта книга про ЛЮБОВЬ...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	28
Глава 3	52
Глава 4	66
Глава 5	80
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Мать своей дочери

Саша Лонго

Иллюстратор Ирина Паршакова

© Саша Лонго, 2018

© Ирина Паршакова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-0568-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всем дочерям Евы посвящается...

Женщина # одновременно яблоко и змея.

Генрих Гейне

Пролог

Что-то происходит вокруг меня. Легкое содрогание — как предвестник камнепада в горах. И бог его знает, чем оно вызвано — сменой температуры, гравитационным воздействием Луны, оползнем, подмывами речных берегов... Сама себе я тоже напоминаю берег, который ласкают воды — теплые, как парное молоко. Моя поза комфортна, статична и удобна... Легкое содрогание повторяется и теперь тревожит меня сильнее. Как будто эхом отдает внутри меня. «Вот оно...» — я думаю об этом обреченно. Процесс рождения до уродливости физиологичен, но так же необратим, как камнепад в горах. Откуда я все это знаю? Совсем не знаю... Сейчас я — старая и мудрая, но как только я пройду весь этот ад, я все забуду. Начнется совсем другая моя жизнь. На земле. Рядом с ней. С той, с которой меня сейчас связывает пуповина. Через нее я держу связь с ней, собирающейся родить меня... Я знаю ее мысли, имею доступ к ее генетической памяти. Я испытываю ее эмоции. Пуповина — это не просто орган, который поддерживает мою жизнедеятельность. Это — узкое горло сообщающихся сосудов...

Мне становится страшно. Я не хочу испытывать боль. Почему-то я знаю и об этом... Здесь комфортно и безопасно. Зачем ей обязательно выбрасывать меня в этот оголтелый мир? Про него я тоже знаю. Через нее. Камнепад в разга-

ре. Ее мышцы сокращаются и выталкивают меня из берегов. Как будто кто-то набрасывает мне на голову платок, обернувшийся вокруг меня плотным, тугим коконом. Я слышу учатившийся стук ее сердца... Ее крик проникает в меня, но сейчас я не способна быть с ней. Уютные стены моего жилища, которые согревали и оберегали в течение многих месяцев, содрогаются, корежатся, пульсируют болью, живут и борются против меня. И я кажусь себе такой маленькой, потерянной. Страшно! Безысходно...

Я как будто начинаю слышать больше звуков. Они пробиваются в меня сквозь кокон. Или саван? Не думать об этом... А еще как будто вижу свет. Он тусклый, как загаженная мухами, прокопченная лампочка в землянке. Поблескивает мутным, бессмысленным, как у беспробудного пьянчужки, взглядом. Ага... Вот почему приходит на ум это сравнение. Мне жутко хочется пить! Иссущающая жажда мучает. Язык разбухает и теркой ранит нежное небо. А что с моим коконом? Он кальцинируется с каждой секундой, превращаясь в твердую породу. Я впервые чувствую сильную боль и невозможность получить кислород в том объеме, в котором он мне необходим сейчас. Я принимаю решение бороться за себя и... побеждаю. Из-за стресса время останавливается. Я не знаю, сколько времени прошло с начала. Мне кажется, вечность. Только отчетливо осознаю, что мы боремся вместе с той, которая меня сейчас рождает.

Давление все ощутимей... Один единственный каме-

шек, сорвавшись с вершины ее готовности произвести меня на свет, вызывает катастрофу, которую не остановить. Когда огромная глыба, в несколько раз превышающая массу моего тела, придавливает меня, с благодарностью вспоминаю кон из твердых пород. Виски сдавливает так, что искры сыплются из глаз. Меня расплющивает о твердую каменистую скалу, потом с неизбежностью центробежной силы затягивает в воронку. Мне нечем дышать, голову сковывает болезненный обруч, который закручивается жестокой рукой инквизиции до тех пор, пока глаза способны вылезать из орбит. И вновь борьба за выживание... И снова ощущаю наше единение. Пронзительно чувствую: ей тоже больно — той, которая меня сейчас рождает. Я с трудом продвигаюсь по узкому тоннелю. Но впереди нет света... Есть звуки: «Давай, давай! Тужься! Еще!» И страшный ее крик: «Ма-а-а-ма!» Мне на секунду становится теплее от этого странного и такого родного слова. Я точно знаю, что забуду все, как только вырвусь из знакомой до мельчайших деталей оболочки. Я упираюсь головой в какой-то узкий манжет, который растягивается под воздействием моего несокрушимого желания быть вне ее, вырваться из этих тисков. Я должна натянуть этот тесный, упругий ворот на себя. Только так я могу освободить затекшую шею, расправить сдавленные до боли в груди плечи. Еще немного поднажать! До меня вновь доносится ее нарастающий, как раскат грома, крик: «Ма-а-а-ма!»

Последние усилия, болью отдающиеся во всем моем те-

ле, — и она выталкивает меня в эту разную жизнь... Я, невыносимо страдая от удушья, открываю рот и захватываю воздух родового отделения, напоенный лекарствами, страданием и потом. Он тысячью иголок впивается в мои легкие, которые, наполнившись, разворачиваются, превращаясь в универсальный, безотказный фильтр. И с каждой секундой функционируют ритмичней, объемней...

Теперь я — отдельная, сама по себе. Только сейчас понимаю, как я устала... Мои глаза слипаются, дыхание становится спокойней. Где я?.. И через несколько секунд я погружаюсь в крепкий, беспробудный, всеисцеляющий сон...

Глава 1

Я сижу на своей кухне за столом, над которым уютно свисает круглый абажур. Его цвет, форма, настроение — реминисценция европейской классики прошлого века, которая никогда не выходит из моды. Салатовый шелк, лента той же фактуры, кисти, бахрома — ничего ведь особенного! А между тем — символ домашнего очага, уюта, семейного счастья, тепла, любви, мечты... Абажур, функционально оправдывая свой перевод с французского, в прямом смысле «ломает» свет — рассеянный, пастельный, мягкий, немудреный и счастливо-домашний. Он равномерно и камерно распределяется в пространстве. Я сейчас сосредоточена только на освещении, потому что ног под собой не чувствую. Красные лаковые лодочки на высокой шпильке обреченно, безжизненно валяются рядом. Я заселяю свою голову мелкими, пустыми мыслями, вроде размышлений на тему абжура. Во всяком случае, пытаюсь это делать. Ну, например, как добралась на дачу мама, которая с сентября, как только закончится дачный сезон, будет жить со мной, в этой квартире (ее — отошла молодому супругу, и это отдельная история). Какая-то мысль, занозой засевавшая в моей голове, заставляет сейчас хмурить брови. Я провожу холеной рукой с безупречным маникюром по лбу, разглаживая межбровный залом, как будто стирая ластиком эту мысль. Она тем не менее

важна, поэтому, уничтоженная ластиком моей воли, под аккомпанемент другой — банальной и затертой до дыр: «Я подумаю об этом завтра...» — все время намеревается вернуться и занозой воткнуться в мой мозг. *«Я устала настолько, что у меня нет сил грустить, печалиться и думать о том, что с этой минуты весь мой уклад жизни потребует перемен. И это будет болезненно, потому что в сорок восемь уже не так легко эти перемены принимать и к ним адаптироваться»*. Я машинально разглаживаю платье на коленке и понимаю, что нужно бы переодеться. Уже около часа я дома, но по-прежнему сижу в светло-сером коктейльном платье, в котором провела весь сегодняшний — суматошный, разный, безумный и долгий день. День бракосочетания моей дочери. Прокручиваю внутренний фильм...

Почему-то сейчас вспоминается регистратор (или регистраторша?) из ЗАГСа с объемной, торжественной башней на голове, в песочном платье, перевязанном атласной лентой. Из глубокого декольте лезет тело. Это рождает ассоциацию с ромовой бабой, пропитанной сиропом и политой сливочной помадкой...

— Прошу вас ответить, Александра Егоровна.

— Да...

Слова наплывают на меня из тьмы моего предвидения, но они не оформляются в сущность. Я смотрю на выразительные толстые губы служительницы Гименея. Они двига-

ются, отчаянно артикулируя, пытаясь донести до меня смысл происходящего:

— Учитывая обоюдное согласие, которое вы выразили в присутствии свидетелей, родителей, близких и друзей, ваш брак регистрируется. Я прошу вас подойти к столу и подписями скрепить семейный союз.

На какой-то момент я отвлекаюсь от ее сочных, ярко-красных губ и смотрю на свою дочь...

— Уважаемые новобрачные, с полным соответствием российскому законодательству ваш брак зарегистрирован. Я объявляю вас мужем и женой! Поздравьте друг друга супружеским поцелуем... В народе издавна существует традиция: в знак любви и верности новобрачные обмениваются кольцами. Я предлагаю вам обменяться кольцами.

Моя девочка прекрасна и свежа, тонка и изысканна. Мини-платье цвета слоновой кости со шлейфом и великолепным воланом, ниспадающим на одно плечо и бедро. Эти колени — совершенное создание природы... Тонкие запястья и лодыжки, трогательные в своей прозрачности и изяществе.

— Дорогие молодожены, сегодня у вас особенный день, вы вступили в семейный союз любви и верности. Отныне вы — муж и жена, создатели новой семьи и продолжатели своего рода. В семейной жизни проявляйте больше заботы, доброты, терпения и уважения друг к другу. Не забывайте и о тех, кто вырастил вас и воспитал, — о ваших родителях. А я желаю вам счастья, удачи и благополучия.

Мы оплатили торжественную церемонию («Вы хотите просто расписаться или торжественно?»), и дама отработывает — произносит шаблонные фразы медовым голосом, расставляет акценты, держит паузу. В общем, все как положено...

— Уважаемые родители, я поздравляю вас с днем бракосочетания ваших детей. Пусть вам хватит терпения и мудрости помочь молодым создать крепкую и дружную семью, пусть союз ваших детей приносит вам только радость. И сегодня я приглашаю вас первыми поздравить молодых.

Губы артикулируют, являясь по-прежнему главным цветовым пятном на лице, живут на нем своей собственной жизнью. Дама взмахивает рукой, как волшебной палочкой, и в пространстве разливается до боли знакомый, до дыр затертый марш Мендельсона. Под главную мелодию законного скрепления сердец или надевания оков (что для меня одно и то же) меня посещают странные мысли. Все началось с Адама, из ребра которого Бог создал Еву. И с тех пор все мужики, как сумасшедшие, бродят по свету, рыщут, можно сказать, в поисках «своего» ребра — неповторимой, созданной только для него половины. И воссоединившись с ней, становятся до конца состоявшимися, как будто доделанными. Ну правда, если мужик к сорока не имеет семьи, детей, какого-то прошлого, а еще, не дай бог, живет с мамой, — это диагноз. Я рада за Александра! Это новоиспеченный супруг.

Но при чем тут, черт возьми, моя дочь?

Это вторая свадьба в моей семье за последние двенадцать месяцев. Я искренне считаю, что это многовато даже для такой толерантной и эмпатической натуры, как я. Первым потрясением стала свадьба моей матери. В конце прошлого года Маргарита сочеталась законным браком с женщиной на двадцать лет моложе ее. Я предвидела, что «счастье» молодых окажется недолгим... Но сейчас не об этом... И вот теперь моя собственная дочь. *«Вся твоя проблема по-прежнему в том, что „собственная“...»*

Платье для церемонии выбирала без удовольствия, поскольку совсем не была готова к такому динамичному развитию событий. Тем не менее выбор был удачен: оно идеально село на фигуру. Годы фитнеса, культ правильного питания и регулярные кражи времени — часа-другого — у самого сладкого утреннего сна для посещения бассейна позволили продемонстрировать блестящий в своем роде результат. И цвет его мне очень по душе — цвет растаявшей жемчужины. *«Господи, как мимимишно... Это всего лишь платье! Что это со мной?»* Сознание вновь цепляется за откуда ни возьмись появившуюся мысль, которую я так отчаянно пытаюсь уничтожить... Только теперь она предательски оформляется в слова, за которыми вероломно таятся страшные смыслы: *«Синдром опустевшего гнезда...»* Мне вдруг представляется Сашка в образе птицы, вылетающей в приоткрытое окно на кухне из этой квартиры, из моей жизни

в другую # взрослую, непредсказуемую, полную опасностей жизнь. Наверное, я так отчаянно остро чувствую это состояние теперь, потому что не была к нему готова. Все это время я, правда, пыталась отговорить свою несмышленную семнадцатилетнюю дочь от скоропалительного брака с мужчиной на восемнадцать лет старше ее, с которым они никак не монтировались в моем понимании: «Поживите, узнайте друг друга лучше. Ну зачем сразу эти оковы?» Но Сашка, как это водится, незамедлительно захотела примерить их на свои белые, трогательные в своей худобе запястья. «*Видимо, я не успела подготовиться*», — в очередной раз думаю я. Но откуда эта неизбывная грусть? Я никогда не была домашней мамой, пекущей пирожки, живущей только умили-тельной гордостью за своих детей. Вернее, ребенка. Сашку я родила поздно, в тридцать лет. Так что прелестный термин «старородящая» сопровождал меня всю беременность, вплоть до родов.

Впрочем, хватит об этом. Как там учит нас незабвенная семейка в курсе гештальта, которым я начала заниматься года четыре назад (пришла именно потому, что отношения с дочерью стали невыносимыми, и я тогда впервые испугалась)? В голове всплывают штампы и каноны этого этапа. Классика жанра. Признать потерю... Признать свою печаль... Поплакать... Погрустить... Обратиться за помощью. А ведь когда-то я почти мечтала испытать это состояние. Что изменилось теперь? Многое. И в первую очередь — я са-

ма. Из стандартного меню чувств и эмоций выбираю грусть. Страхиваю оцепенение и следую в спальню. Захожу, оглядываю такую привычную и с любовью обставленную комнату. Спальня ассоциируется у меня с отдохновением, гармонией, поэтому изначально, когда я приобрела большую квартиру, о которой давно мечтала, уделила особое внимание дизайну этой комнаты. Каждая мелочь была мной продумана: стиль, сочетание элементов декора, расположение мебели, гармоничность цветовой гаммы. Останавливаюсь на пороге спальни, окидываю ее впервые за несколько последних лет внимательным к мелочам взглядом. Выныриваю из своих мыслей в реальность. Темная, искусно состаренная паркетная доска цвета венге, светлые в духе минимализма стены, картины с пышными итальянскими пейзажами на стенах, декоративная пиния в большом глиняном горшке в углу комнаты. Предметы интерьера созвучны между собой: приземистая тумба, будуарный столик с ажурно украшенной рамой овального зеркала, шкаф для постельного белья, уютное, обволакивающее кресло с небрежно наброшенным на него оливковым пледом и подушками разной величины и степени оливковости. И, наконец, в центре композиции — кровать. Несмотря на ее размеры, это кровать одинокой женщины. Вернее, женщины, которая предпочитает спать одна. Мне трудно переоценить личную свободу в персональной системе координат. Размер подушек, непринужденно рассеянных по мягкому сливочному покрывалу, произволен, а цвет

варьируется от оттенка кале до шоколадного. Перед кроватью — пушистый ковер молочного цвета, светлым пятном выделяющий зону отдыха. На журнальном столике недалеко от окна — низкая ваза из темного стекла, которую я привезла из Милана. Широкий оконный проем густо задрапирован небрежно собранными темно-оливковыми шторами из органзы. Я как будто впервые все это вижу... Стремительно прохожу в комнату, наконец сбрасываю с себя жемчужно-серое коктейльное платье, от которого порядком устала, снимаю чулки, надеваю махровый белый халат и шлепаю по прохладному полу босыми ногами в ванную. Я знаю, что молодые завтра к обеду будут в Шереметьево, откуда полетят навстречу счастливой (я, несмотря на все свои предубеждения, очень на это надеюсь) семейной жизни дорогой через Венецию, Милан, Рим, Верону. «Банально...» — уже сквозь дрему думаю я и мгновенно проваливаюсь в крепкий, вязкий, свободный от сновидений сон.

С утра пью бодрящий кофе. Собственно, утро в данном случае — понятие физиологическое, поскольку время близится к полудню. Звоню дочери, они уже на пути в аэропорт. Мило воркуем, желаю ей счастливого и яркого свадебного путешествия. Сашка счастлива! Я знаю эти ее звонкие, мелодичные интонации поющего сердца. Очень хорошо знаю...

Грусть набрасывается на меня с удвоенной силой (видимо, и ей крепкий сон принес отдых) и начинает терзать меня сомнениями. Нет, даже не сомнениями, а предвидением... И постепенно переползает в удушливый, липкий страх. *«Ну хватит уже! Тоже мне нашлась провидица! Ну не нравится тебе Сашкин выбор! Но ведь это же ничего не значит...»* Но сердце-вещун не желает успокаиваться, тяжело опускается вниз (и я как будто мысленно вижу траекторию его движения), бухая уже где-то в районе солнечного сплетения. *«Нет уж, пожалуйста, лучше погрузи...»* Я возвращаюсь в спальню и достаю из нижнего ящика комода розовый альбомчик «Привет, я родился!», который я аккуратно вела после рождения дочери, будучи счастливой и старородившей мамой. *«Господи! Хоть чувство юмора спасает!»* Сажусь в уютное кресло и открываю гляцевую обложку...

Смешные и трогательные фотографии — встреча меня из роддома с розовым пакетом в руках. Открытки, которые мне дарили друзья семьи и тогда еще любимый муж. И, конечно, комментарии, выведенные моим аккуратным каллиграфическим почерком. Когда я все успевала в тот момент? На внутренней стороне обложки моя фотография с надписью под ней: «Моя мама и летописец этой хроники». Генеалогическое древо с плодами по крайней мере до прабабушек и прадедушек. Знак Зодиака. Сашка — типичный Рак. Забавно, что все происходящее тогда я описывала от лица дочки. Первый месяц жизни. Читаю:

«Мне нравится, когда со мной разговаривают. Нравится смотреть по сторонам, лежа на руках, или рассматривать чье-нибудь лицо. Мне нравится, когда папа поет мне песню „Что грифо, что маргарито, да...“»

«Отношение к пустышке: прохладное. Не люблю „пустых“ занятий. К тому же давно раскусила, что окружающие относятся к ней (читай # к пустышке) как к глушителю. Однако иногда с ней бывает приятно заснуть».

«Отношение к купанию: обожаю воду! Мне нравится купаться и в маленькой ванночке, и в большой. Нырание захватывает дух и в прямом, и в переносном смысле».

Я вспоминаю, как это было. Старородящие мамы, говорят, сознательно относятся к своему положению. Да, так и есть, я делала все, только бы ребенку было хорошо. Кто-то еще в «Школе будущих мам», которую я посещала несколько раз в неделю, посоветовал мне плаванье для новорожденных в качестве методики раннего развития и сразу дал телефон потрясающей тетки. Тетка, правда, была огонь! Я забыла ее имя, а вот руки помню очень хорошо... Они были какими-то не по-женски широкими в запястьях. Я бы сказала, основательными. С узловатыми пальцами, но очень надежными и безопасными. Сашку я ей доверила сразу и безого-

ворочно. Какие вещи она проделывала с малышкой на массажном столике, и ничего — дочка только кряхтела. И ни разу не пискнула. Тут было чему удивляться: Сашка не любила чужие руки и с трудом отрывалась от меня, особенно когда я продолжала находиться рядом, в поле ее зрения, вернее, в зоне обоняния.

Помню первый ее визит к нам в дом, в котором витали запахи грудного молока, прожаренных утюгом пеленок и нежного, едва уловимого флера грудничка спустя две недели после рождения. Я проводила ее в ванную комнату, где была уже приготовлена полная воды ванна. Мы все в священном ужасе стояли рядом. Мы: это я, мой бывший муж Егор и моя мама Маргарита Германовна. Тетка опустила кисть в воду и бросила рубленую фразу: «Не годится! Сливайте воду!» Очень авторитарно и кратко объяснила, что температура воды должна быть не выше комнатной. Проверить это можно, опустив в нее локоть. Перепад температуры при этом абсолютно не должен ощущаться. Нужно сказать, что это была достаточно прохладная вода по сравнению с той, в которой мы купали Сашку до сих пор. Помню взволнованный шепот Марго (так я про себя называю мать): «Ты уверена, что она не шарлатанка? Что ты стоишь как вкопанная? Мать ты или как?» Шепот заполнил собой пространство иерихонской трубой, я, заливаясь краской, наступила Марго на ногу. Тетка не выдала никакой реакции и, повернувшись ко мне, уверенно протянула за Сашкой руки. Я не сомневалась ни се-

кунды: ну не поверила бы ей Сашка на массажном столе, если бы она была плохим человеком. И уже через несколько минут дочь, блаженно улыбаясь (никогда не верила, что это желудочная улыбка), поддерживаемая штурманской тетки-ной рукой, вернее, двумя пальцами под шею, уверенно держалась на спине. Когда тетка впервые обратилась к ней, я еще больше ее заважала. В голосе было столько нежности и никакого дурацкого сюсюканья! Любая реплика, исходившая от нее, как будто окрашенная интонацией правды, заставляла верить ей. Вскоре Сашка, водимая опытной рукой, выделявала восьмерки в ванной. С каждой новой фигурой Маргарита еще больше тарасила глаза и, понимая, что я буду ее пилить за первую неловкую ситуацию, просто закрывала рот ладонью, чтобы не ляпнуть что-нибудь лишнее. Когда мне передали мое чадо, завернутое в большое пушистое полотенце, я, прижав ее к сердцу, поняла, что не ошиблась ни в выборе методики, ни в выборе тетки. Связь с Сашкой с момента зачатия была для меня инфернальной и непостижимой. Я сразу поняла, что моему ребенку хорошо. Тетка была приглашена на чаепитие. Она присоединилась к нам и даже съела кусок шарлотки, которую я успела-таки на скорую руку испечь тем утром. И в третий раз поразила меня: она умела быть близкой, как будто давно знакомой, но в то же время блестяще держала дистанцию. «Конечно, я научу вас всему. Уже через несколько месяцев вы сможете самостоятельно заниматься с девочкой. Она — чудо! Очень хорошо

развит хватательный рефлекс, тонус в норме... Все будет хорошо! А теперь, с вашего позволения, откланяюсь. Дела-дела... Да, пирог — просто восторг!»

Действительно, через месяц Сашка умела проходить под водой целую ванну, а еще через месяц я сама купала ребенка, и нам обеим это доставляло удовольствие. Сигнальная фраза: «Сашка, ныряем!» — всегда срабатывала одинаково. Моя полуторамесячная дочь зажмуривала глаза и набирала воздух в легкие. Маргарита по-прежнему считала меня слегка сумасшедшей матерью и не могла находиться при этой экзекуции (так она называла процедуру купания). Но дочка подавала мне верные сигналы: похныкивала, когда я вынимала ее из воды, куксилась, не желая прерывать процедуру. Положительные последствия ранней методики тоже не заставили себя ждать: Сашка стала лучше спать по ночам и никогда не болела. Не было никаких осложнений и после прививок. Помню, что такое ОРЗ мы узнали в возрасте трех лет, когда дочка пошла в садик.

Я листаю следующую страницу. Перед глазами раскрашенные отпечатки ручки и ножки Сашульки в возрасте полугода и года. Смешные и очень трогательные лапки! А вот карта прививок, а вот и фотографии в ванне, и страница с первыми успехами...

«Я стала поворачивать голову через неделю после рож-

дения

Я научилась держать голову: впервые подняла ее через две недели после рождения. Основательно # в два месяца.

Я сама повернулась на бок, когда мне было две с половиной недели.

Я впервые крепко ухватила папу за палец на третьей неделе жизни.

Я начала следить за предметами, которые движутся в поле моего зрения, в два с половиной месяца.

Я научилась есть с ложки в конце третьего месяца. Понятно, что это были жидкие каши и фруктовые, овощные пюре.

Я начала наблюдать за своими ручками к концу третьего месяца.

Я громко засмеялась в три с половиной месяца, когда мы с мамой делали покупки в супермаркете.

Я сама взяла свою маленькую ложечку и весело стучала ею по столу в неполных четыре месяца.

Я сама дотянулась до игрушки в пять месяцев.

Я самостоятельно села в восемь месяцев».

Сама не замечаю, как начинаю улыбаться. Я, конечно, грущу, но грусть моя светла... Улыбка, как луч солнца, пробивается прямо из сообщающихся сосудов, которыми по-прежнему, несмотря на то, что Сашке уже восемнадцать, остаются наши сердца.

А вот страница «Любимые забавы в возрасте...»:

Четырех месяцев: я люблю самостоятельно, опираясь на руки взрослых, вставать на ножки. Люблю, когда меня поднимают высоко над головой. Люблю шуришать страницами своей первой книжки.

Пяти месяцев: люблю с помощью мамы переворачиваться на живот и обратно на спинку. Люблю слушать музыку, узнаю знакомые песенки из мультфильмов.

Шести месяцев: люблю скакать в прыгунках. Меня завораживает пение птиц на специальном диске. Люблю бросать на пол игрушки или другие предметы и следить за тем, как они падают на пол.

Семи месяцев: люблю изучать новые предметы, которые попадают в поле моего зрения. Люблю (но странною любовью) игры с бумагой: рвать, шуришать, пробовать на зуб. Люблю до одури скакать в прыгунках, но под аплодисменты (и только) восторженных обожателей.

Восьми месяцев: люблю бегать с помощью ходунков по двору дачи. Это так прекрасно: ощущать движение, намечать цель и в конечном итоге достигать ее!

Девяти месяцев: по-прежнему осязание # одно из самых «опытных» чувств для меня. А во дворе природа открывает для меня настоящий каталог разнообразных поверхностей: бархатистых, гладких, шершавых, колких.

Десяти месяцев: на волю, в пампасы! Меня манит улица,

общение с другими детьми, увлекательный мир, поиск новых открытий!

Одиннадцати месяцев: я продолжаю свои исследования. Скребу землю, подбираю гибкие веточки, нахожу занятные камушки. Наряду с этим просыпается интерес к поднадоевшим карточкам, тем более к первым книжкам».

А у меня, читающей эти строки, просыпается самоирония — персональный барометр адекватности, торжество здравого смысла. Я, вообще, люблю людей, которые могут посмеяться над собой. Для меня это сущность на грани искусства, когда, не унижая и не перечеркивая выпуклости своей личности и благоглупости поведения, мы, преисполненные чувства собственного достоинства, можем улыбнуться над собой откуда-то со стороны, но никак не сверху. Вот эта наивная запись из первого дневника моей дочери, который я писала от ее имени, заставляет внутренний голос иронично подсмеиваться над моим тщеславием. Как всякая старородящая мать в тридцать лет, я, понятное дело, была в первую очередь озабочена тем, чтобы дать своему ребенку все самое лучшее. В конце девяностых # начале двухтысячных чрезвычайную популярность набирали всякие методики раннего развития. Одной из них была методика Глена Домана по обучению чтению в младенческом возрасте, которая заключалась в использовании набора карточек с разными словами. Меня идея научить свою умницу дочку чи-

тать увлекла необычайно. Ну, во-первых, потому что идеальными учителями в ней являлись сами родители. А во-вторых, для нашей читающей семьи было знаковым, как я на тот момент считала, приобщить к этому и нашего ребенка, причем чем раньше, тем лучше. Сказано — сделано. Карточки пришли заказной бандеролью. Моей радости не было конца. В тот день я впервые показывала их Сашке, громко называя предмет. К моему удивлению, дочь, которая раньше не видела меня в этой роли, изумленно смотрела на них. Я бы даже сказала, гипнотически рассматривала. Но уже через неделю она никак не желала концентрировать внимание на карточках, вертела головой и даже немного куксилась. Смешна была именно моя реакция: я искренне расстраивалась нежеланию Сашки учиться читать в полтора месяца.

Я также отчетливо помню время, когда у дочери начал формироваться характер. Сначала все было первозданно просто. Заболел животик — плачет, захотела есть — орет, поворачивает голову в ту сторону, откуда обычно ей подают сосок, и открывает рот, захотела спать — похныкивает, пока не окажется на руках, где, сладко посапывая, умильно складывая губы, проваливается в сон. Но после шести месяцев все усложняется. Усложняется сама Сашка. Теперь она хочет быть только на руках у мамы. К папе идет по настроению. А если что-то привлекло ее внимание, ничто не способно отвлечь ее от цели, перебить первородного желания познать. Ничто и никто. Она странно ползала. Сиди-

лась на попу и, перебирая ягодичками, передвигалась вперед и только вперед. Она могла смешно клевать носом в колени, когда скорость была слишком медленной или желание обладать предметом — слишком большим. Но все это ерунда по сравнению с азартом узнать, потрогать, осязать пальчиками, потащить в рот и попробовать на зуб. И какими же противными могут быть эти взрослые, которые в самый последний момент захвата какой-нибудь блестящей штуки вдруг не позволяют ее выхлопотать у мира и убирают с глаз долой. С Сашкой эти номера не проходили. Ей непременно нужно было заполучить то, что она хочет, пусть даже не в том объеме, но во что бы то ни стало заполучить. Этот восторг обладания, называемый вожделением, намертво зафиксировался в ее характере. Из младенческого целеполагания, которое проявляется у всех детей в определенном возрасте, оно переросло в важную черту характера.

Мое внимание концентрируется на очередной странице:

«Любимые забавы в возрасте двенадцати месяцев: люблю смотреть ярко иллюстрированные, красочные книжки. Люблю открывать все, что открывается. Мамина косметичка # вот где можно разгуляться! Люблю разбирать игрушки. А вообще, по словам мамы, во всем оправдываю японскую поговорку: „Расскажи мне, и я забуду. Покажи мне, и я запомню. Дай мне сделать самому, и Я ПОЙМУ“».

Так странно, Сашка потом увлеклась культурой Страны восходящего солнца, стала поклонницей аниме и манги. В подростковом возрасте мечтала быть художницей-мангакой. И сейчас я вижу в этом какой-то знак. Мне снова становится торжественно и грустно. И уже сквозь слезу, туманившую взгляд, читаю последнюю страницу альбома, где красной пастой, как кровью, каллиграфическим почерком выписаны первые слова моей дочери:

«Баба, мама, вава, кака (кстати, любимое слово!), чай, дерево (произносила, как де-е-во), колечко (говорила „калека“), алле (то бишь на связи)».

Я захлопываю альбом и пытаюсь понять, что я чувствую. А потом понять, что должна чувствовать мама, которая переживает синдром опустевшего гнезда. Я отрываюсь от своих мыслей и на сегодня отпускаю ситуацию. От-пус-ка-ю... Начинаю вяло перебирать варианты заполнения сегодняшнего вечера: можно сходить в кино, можно встретиться с подругой, можно просто погулять в соседнем сквере. Ловлю себя на мысли, что ни один из них не возбуждает во мне здорового аппетита. А что я хочу? Пустота. Синдром опустевшего гнезда...

Глава 2

Раздается телефонный звонок. На бликующем дисплее айфона появляется надпись «Марго» и рядом с именем слово «мама». Как будто я могу забыть об этом хотя бы на минуту. Маргарита родила меня рано. В семнадцать лет. И не была старородящей. Это очевидно. Поэтому, несмотря на мою персональную взрослость, ей не так много лет, как может показаться. Может быть, именно поэтому она была естественней и проще меня. Как мать, разумеется. Она всегда как сумасшедшая делала карьеру. Мой обожаемый отец прожил с ней всю жизнь. Думаю, непростую жизнь. Маргарита была и остается командиршей — властной, харизматичной, шумной... Ее всегда много, и, даже не успевая открыть рот, она заполняет собой все пространство. В качестве жены она, по моему, была абсолютно бесполезна. Знаменитая фраза «Дети, кухня, церковь», которая предопределяет основополагающие занятия для «правильной» женщины, была в неполной мере реализована ею только в рождении одного ребенка, то есть меня.

— Здравствуй, мама!

— Что это ты так долго трубку не берешь? — голос Марго звучит подозрительно. — Хандришь?

Я не успеваю за потоком ее сознания. Я никогда не умела это делать.

— Ох, Динка, опять, небось, глаза на мокром месте?..

Я оставляю этот вопрос без внимания. Поскольку звучит он как риторический. Я очень хорошо улавливаю интонации Марго, когда она звонит, как будто беспокоясь о тебе, но на самом деле для того, чтобы пообщаться сама с собой.

— Мама, ты когда-нибудь испытывала синдром пустого гнезда?

— Дина, не пугай меня, я всегда много работала.

«Я, между прочим, тоже много работаю. У меня небольшое архитектурное бюро. Коллектив маленький, атмосфера почти семейная, люди творческие, ранимые, талантливые, поэтому я # мать родная для всех периодически. Буквально кормлю грудью взрослых мальчиков и девочек. Выражение, конечно, образное, но точно передающее мое место-состояние в команде. Все на мне: я и швец, и жнец, и на дуде игрец...»

— Мама, не переживай! Со мной все в порядке. Просто хандрю немного.

— А ты прекрати хандрить. Ты о матери лучше подумай. Общаемся уже полчаса, хоть бы спросила, как я себя чувствую...

Дыхание Марго перехватывает от возмущения.

— Ой, мам, правда, как ты себя сегодня чувствуешь? Мерила давление?

— Вот-вот... — Маргарита милостиво разрешает себя уговорить поговорить про свое здоровье. — Плохо, Динка, голова кружится и вроде все тело ломит.

— Может, врача вызвать, мама? — я задаю вопрос, заведомо зная ответ.

— Какой врач сюда доедет, на выселки? О чем ты говоришь?

Выселками, кстати, она называет нашу дачу, в тридцати километрах от Москвы. Я понимаю, что Маргарита ждет от меня. И, набрав в легкие воздух, как когда-то Сашка, перед тем как нырнуть под воду, тороплюсь задать вопрос (вдруг передумаю!):

— Мам, может, за тобой сегодня приехать и забрать тебя в Москву?

— Дина, как это забрать? Я что, чемодан?

«О-о-о, это всерьез и надолго. Она хочет, чтобы я в очередной раз ее успокоила. Ну, дескать, с кем не бывает. Случился мезальянс. Взяла и вышла замуж за молодого человека, которому нужна была только ее квартира прямо напротив Елоховского собора, в историческом центре Москвы. А ведь я предупредила... А вот этого говорить категорически не нужно! Иначе этот разговор может затянуться на много часов».

— Мам, ну прости, я не хотела тебя обидеть. Накапай се-

бе валерьянки и не пили себя, слышишь? Мой дом — твой дом... Ты же знаешь. Тебя здесь всегда ждут! Я просто спросила: может, тебе одиноко или страшно одной на даче? Тогда сегодня я смогла бы тебя забрать... Все равно сижу и размышляю, чем бы занять вечер.

— Именно... Ты не забыла, дорогая, сколько тебе лет? Ты — одна. Задай себе вопрос, Дина, уж не завидуешь ли ты счастью матери?

«О господи! Чему уж тут завидовать? Молодой самец увлек стареющую нимфу в постель, показал несколько кульбитов, и та, сгорая от страсти, помчалась с ним под венец и тут же, наплевав на все увещевания родственников и друзей, прописала его в квартире, а потом и переписала ее на него. Только потому, что мальчик разгневался, подозреваемый всеми вокруг в непорядочном отношении к своей, с позволения сказать, супружнице. Сердечная связь на стороне была у этого подлеца и до свадьбы, и, разумеется, после нее. Но у Маргариты, не умеющей доверять на пустом месте, вдруг образовалась такая вера, что об этом даже сейчас страшно вспоминать».

— Конечно, нет, мама. Не забывай, это ты мне сказала около двух месяцев назад, что тебе нигде жить, потому что Сева заменил замки и не пускает тебя в твою же собственную квартиру. Я предложила тебе помощь, если ты помнишь...

И в благодарность можешь хотя бы сейчас не обвинять меня во всех смертных грехах?

— Я пригрела змею на своей груди. Дина, девочка, зависть — это страшный грех!

— Короче, Склифосовский, когда тебя ждать с дачи?

— Не ранее чем через два месяца. Да, я не уверена, что переезд обязательно свершится в твой дом. Скорее всего, Сева одумается раньше.

— Мама, я буду только рада! А сейчас извини, если ты больше не нуждаешься в девочке для битья, я, с твоего позволения, займусь наконец делами. Мне нужно приготовить документы, закрывающие сделку.

— Дина, почему, как только мне нужна твоя помощь, у тебя всегда находятся дела поважнее, чем твоя стареющая, одинокая мать? — Градус патетики возрастает, а значит, что бы я сейчас ни сказала, она меня просто не услышит. Не то что не захочет — не сможет.

«Пора применять тяжелую артиллерию. Иначе Марго не остановит. Видит Бог, мама, я хотела сегодня по-доброму с тобой. Ты не оставляешь мне выбора».

— Отлично, мама! Я буду только рада, если Сева одумается, но мы с тобой обе знаем, что это никогда не произойдет. И знаешь почему, мам? Потому что он тебя использовал. И если бы ты не была настолько в восторге от собственной

персоны, ты смогла бы это заметить на берегу, прежде чем пустилась с ним в дальнее плавание. Но ты была ослеплена собой! Ей-богу, мам, в тебе умерла гениальная актриса. Мам, все, пока! Как только решишь в Москву — звони. Я с удовольствием тебе помогу! — И вновь тороплюсь, услышав, как она набирает в легкие воздух, издавая при этом то ли всхлип возмущения, то ли рыдание: — Пока!

Я нажимаю отбой на фразе, которую Марго произносит визгливым голосом, уже не улавливая смысла. Что ж, это мне просто так не пройдет. Я знаю, что она обязательно отыграется, как только въедет в мою квартиру на правах хозяйки. По-другому она просто не умеет. Равно как и знаю, что Сева вряд ли одумается, а значит, ситуация с переездом неизбежна. Если ты чего-то не в силах изменить, просто научись относиться к этому по-другому. Что там по поводу синдрома пустого гнезда? Как насчет того, чтобы туда вернулись родители? Вернее, мама... О господи! Только не это...

Следующие несколько дней, которые я отвела себе на отдых после очередного свадебного переполоха в моем семействе, проходят весьма приятно и предсказуемо. Знакомый до боли фитнес-клуб, в котором я могу свободно передвигаться с закрытыми глазами из тренажерного зала, где по-

прежнему, не щадя себя, занимаюсь кардиотренировками, до бассейна, в котором, напротив, расслабляюсь. Заученные до дыр фильмы, в которых я знаю каждую фразу, сюжетный ход, реплики персонажей, разбуди меня хоть ночью. Смотрю Феллини, Копполу, Формана, «Ромео и Джульетту» Дзеффирелли с величайшей Джульеттой всех времен и народов Оливией Хасси. Прекрасное по-прежнему питает душу и отодвигает пророческие настроения глубоко внутрь меня. Я даже как будто про них забываю. Вернее, не так: *«Похоже, меня волнует замужество моей дочери, потому что меня не слишком радует ее выбор, но также правда, что я вряд ли что-то теперь смогу изменить. А потому пусть все идет как идет...»*

Сегодня должна зайти Юля — душевная подружка еще со школьной скамьи. Меня всегда заводит, как только в моем присутствии начинают говорить, что женская дружба невозможна. Какая это чушь! Я помню Юльку рядом во всякие тяжелые времена: и когда решила уйти от Егора, и когда хоронила отца (Маргарита, как всегда, слегла, еще бы — лишиться такой няньки!), и когда выдавала замуж молодницу, то есть мать, холодея по ночам от дурных предчувствий: *«Что-то теперь с ней будет? И как она переживет подлости этого мерзавца?»* Молодая ведь была не молода... Юлия всегда рядом в моменты катаклизмов, тяжелых душевных потрясений, и выговориться ей — это все равно что обезболить душу. И сегодня я во всеоружии готовлю свой фирменный ли-

монно-яблочный пирог, конечно, низкокалорийный, чтобы распустить корсеты и посплетничать всласть. С Юляшей я иногда позволяю себе такое, чего не могу даже наедине с собой.

Она приходит, как всегда, принося с собой легкость летнего ясного дня, вселенскую мудрость тысячелетий, ухоженность зрелой женственности и простоту общения, выработанную десятилетиями. Юля давно и счастливо замужем. Поскольку родила она вовремя и дважды, она сейчас бабушка двух очаровательных внуков. И по моим подсчетам, уже давно пережила с Сергеем синдром опустевшего гнезда. Они по-прежнему живут гармонично и интересно. Для себя. Премьеры в театре, ландшафтный дизайн в загородном доме, которым подруга увлеклась на пятом десятке, небольшой туристический бизнес на двоих, который дает возможность много и вместе путешествовать. У меня даже есть теория, что страдать так, как Юля, могут только очень счастливые и гармоничные внутри люди. Сегодня я жду ее прихода, как никогда ранее, поэтому с умилением смотрю, как она привычным жестом открывает шкаф для обуви и достает оттуда свои любимые тапки. Да, в моем доме уже давно живут Юлькины любимые тапки с забавными ушами и рожицами. Она выпрямляется и вдруг впервые замечает мой взгляд. Вроде бы ничего не делает и даже не пытается коснуться меня, просто смотрит. Но в глазах плещется такое сочувствие, что мне сразу становится легче. Я верю, что у нас с Юлькой суще-

ствует связь, и уже давно не нужны слова, чтобы понять, что другой хреново, — так часто бывает с людьми, которые дышат в унисон и знают друг друга миллион лет. Или около того.

— Как ты, моя дорогая?

— Держусь, как видишь...

— Как малышка?

Юля до сих пор называет Сашку малышкой. Это началось с того момента, когда она впервые увидела моего пупса, ныряющего в ванной под воду с моей помощью.

— Только сегодня созванивались. Чудесно проводят время в Риме. Она просто поет от счастья. Что еще нужно, когда тебе восемнадцать лет, ты влюблена, счастлива и тебе кажется, что это с тобой навсегда?

— Дина, может, ты ошиблась? Ну... ты понимаешь, я насчет Короля Унитазов?

Королем Унитазов я (а за мной и Юля) называю Сашиного избранника — Александра. У него собственный сантехнический бизнес. Что-то покупает, где-то продает. Я не то чтобы сноблю, просто не принимаю, потому что чувствую его сердцем. И все тут. Как это можно не понять? Я же мать и оцениваю Сашкиного избранника с позиции надежности. Мне кажется, он жесткий, очень прагматичный человек. Я нисколько не сомневаюсь, что он обеспечит Сашу всем необходимым, но родства душ в них я не замечаю.

— Юля, я очень хочу ошибиться... Можно жить в люб-

ви и согласии даже с разницей в возрасте восемнадцать лет. Можно рано один-единственный раз и навсегда выйти замуж, но нужно совпадать по ценностям, чтобы, после того как страсть схлынет, остаться вместе.

— Динка, — Юля обнимает меня за плечи, — не будем об этом. Постарайся хотя бы сейчас не думать и не говорить про Александра.

— Обещаю... — я улыбаюсь.

— Как Маргарита? — Юля вслед за мной называет мою мать по имени. И замечая всю гамму эмоций, которая отражается на моем лице, сконфуженно морщится. — Прости, я думала, эта тема будет легче!

— Молодая прозревает после медового месяца... Что я могу еще сказать? Пробуждение болезненно, поэтому я должна стать тем зеркалом, в котором ее величество отразится во всем блеске великолепия.

— И это так невыносимо?

— А как ты думаешь, Юль? Практически он выставил ее из ее собственной квартиры, потому что молодая в приливе супружеского экстаза решила переписать на него свое жильё.

— Неужели ты не смогла ее предупредить о рисках?

— Ну что ты, конечно, я со всей возможной деликатностью пыталась предупредить ее. Но Марго только закатывала глаза и патетически восклицала: «Боже! Я воспитала завистницу!»

Это получается очень похоже. И хотя мы с Марго очень

разные, я знаю наизусть каждую ее интонацию. Моя подруга знает их тоже. Мы обе прыскаем в кулак.

— По коньячку? Ты как?

— А знаешь, с удовольствием!

— Проходи, я сейчас быстро что-нибудь соображу.

Я с удовольствием хлопочу на кухне, достаю из холодильника все, чем можно закусывать хороший коньяк по всем правилам кулинарной науки: маслины, красную икру, виноград, груши. Быстро, почти с закрытыми глазами соображаю закуску из апельсинов, лимонов, горького шоколада, твердого сыра и грецких орехов. Все, что обычно сопровождает наши нечастые последнее время девичники.

— Динка, за тебя! Ты представь, сейчас у тебя будет такое количество времени, которое ты сможешь посвятить себе!

— Она видит, что ее слова не попадают в меня, но упрямо продолжает: — Наверняка найдешь занятие по душе.

— Я все понимаю умом, но эмоционально все равно тяжело. И даже не из-за Сашки. В сентябре мама переезжает ко мне. С дачи, разумеется.

— Ты думаешь, битва за квартиру — бесполезная трата времени?

— Нет, я так не думаю. И, более того, обязательно подключу к этому вопросу своих юристов. Но мама должна сама этого захотеть. Пока она в состоянии — я вхожу в образ — «О боже! Я воспитала завистницу!»

— Терпения тебе, моя дорогая!

Мы чокаемся крошечными рюмками и залпом выпиваем янтарную маслянистую жидкость, которая обжигает небо и гортань, теплом разливается в груди и на секунду примиряет меня с действительностью.

— И за тебя! За всех нас...

Мы опять беззаботно смеемся.

Мое архитектурное бюро я назвала «Арчибальд». Не потому что, а просто так... Откуда у меня такая тяга к английским именам? У меня интуиция. И даже не зная, что это имя обозначает, я оказалась права, обозвав так мой маленький и очень креативный бизнес. Как корабль назовешь, так он и поплывет. Благородно и смело он плывет в бурных водах российской действительности. Я люблю свою работу и счастлива заниматься тем, что не только приносит деньги, но и доставляет удовольствие!

После нескольких дней отдыха, которые я себе позволяю, я вновь у руля «Арчибальда». Я соскучилась. Этим объясняется моя активность. Впрочем, сотрудники моей компании снисходительно относятся ко мне в таком состоянии, и я им очень благодарна за это. Стас покровительственно слушает, как я критикую его дизайнерский проект «Ламповый лофт». На его лице написано: «Ну-ну... Ладно, послушаю, что ты там придумала... Вынужден, ты же босс!» Я читаю его

как открытую книгу. Он особо и не пытается держать лицо. Мои сотрудники знают, что я ценю индивидуальность, творческий подход, честное отношение к делу, которым занимаешься, искреннее отношение друг к другу.

— Мне не нравится оформление потолка. Оно банально! Так обычно оформляется лофт — разной величины балками... А если включить фантазию?

«*Похоже, перегнула палку с фантазией!*» Бровь Стаса недоуменно ползет вверх. Я вижу, что своим творением на этот раз он не вдохновлен, поскольку у него нет энергии отстаивать свой проект. Он взмахивает головой с чувством собственного достоинства. Стильная челка на мгновение приоткрывает глаз, я не успеваю читать эмоцию в этом глазу. Стас — уникальный человек! У него разные глаза. Один серый, а другой — серо-зеленый. Может быть, поэтому мне кажется, что каждый глаз отражает действительность по-разному. И в них можно одновременно прочесть противоположные чувства.

— Хорошо, босс! Как скажешь... Не считаю, что это халтура...

«*Лучшая защита # это нападение. Очередная иллюстрация из жизни этой банальной, затертой до дыр пословицы*».

— А я разве сказала, что это так?

Он секунду колеблется...

— О'кей, я сам так думаю...

— Иди подумай еще. Я верю в тебя!

Меня отпускает. Я знаю, что в следующий раз он принесет действительно уникальный проект — уютный, функциональный, умный, продуманный. Теперь я спокойна. Выхожу из своего крошечного кабинета в люди. Я люблю так говорить и делаю это много десятков раз на дню. По размерам он, правда, напоминает собачью будку, учитывая дизайн, — современный и функциональный собачий дом. Openspace находится на более низком уровне, чем моя конура. Он живет полифоничной и разной жизнью. Я хорошо чувствую это пространство и сразу замечаю очаги напряжения. На сей раз это переговорная, где трудится сейчас один из лучших менеджеров по работе с клиентами «Арчибальда» — Маша Осокина. Есть люди, которые щедро наделены от природы эмпатией — особым чувствованием других людей. Так для себя я уже много лет определяю этот термин. Маша Осокина умеет лучиться глазами навстречу другим. И кажется, будто это ее душа — незамутненный горный ручей — плещется тебе навстречу. И сам ты рядом с ней тоже становишься каким-то ясным и незамутненным. Я понимаю: если Маша не может справиться с клиентами — случай действительно нетривиальный, сложный. Спешу ей на помощь. Пока спускаюсь с лестницы, пытаюсь догадаться, что происходит. Во всяком случае, отчаянно оцениваю ситуацию. В переговорной, кроме моего любимого сотрудника, находится пара, про которую хочется сказать: «Не пара». Он взрослый и со-

стоятельный. Волосы бобриком, возрастное брюшко, брендовые часы как признак статуса и социальной принадлежности. Небрежно помятый льняной костюм. Уж очень типичный образ. Может быть кем угодно: от депутата Государственной думы до держателя среднего бизнеса. Она — типичная моделька. В розовой юбочке, открытых босоножках на шпильке, из которых выглядывают ухоженные пальчики с наманикюренными розовыми ноготками, розовая сумочка. Ну и, конечно, пергидролевые, искусно завитые локоны. По перебору розового мгновенно понимаю, что Маша демонстрирует дизайн-проект, который не нравится куколке. Ну а поскольку не нравится ей, наш депутат тоже напряженно сопит и вообще выказывает всякие признаки неудовольствия.

— Здравствуйте!

Я — сама приветливость и простота, готовая бросить все и всех к ногам моих взыскательных клиентов. И в этом уже нет иронии. Я действительно убеждена, что договориться можно с каждым. Нет, не всегда удастся сделать прививку от дурного вкуса, но ненавязчиво соединить индивидуальность клиента со своим творческим кредо — возможно. Мужик пыхтит, а куколка обиженно дует губки, весьма искусно подколотые гиалуронкой. Моя самоирония вздыхает внутри моего организма, наружу я выдаю каскад радостно-позитивных фраз:

— Давайте знакомиться. Меня зовут Дина, и я — хозяйка

архитектурного бюро «Арчибальд». Чем могу помочь? Может быть, кофе? Маша...

Маша светится навстречу мне глазами и убегает готовить кофе. Каждый в нашем бюро умеет это делать для клиента самостоятельно. Хотя у нас, как в любой нормальной компании, вернее, фирмочке, есть для этих целей специально обученный человек. Ее зовут Ангелина. И она обладательница такой внешности, что просто может позволить себе работать Ангелиной. Высокая, с идеальными пропорциями, просто лебединой шеей и округлыми, мягкими руками, алебастровой кожей, настолько ровной, гладкой и чистой, что можно предположить, будто в темноте она светится, с копной рыжих кудряшек и зелеными кошачьими глазами. Ангелина умна и хорошо образованна. Знает несколько языков, но не имеет никаких амбиций. Мои коучинговые разговоры в начале нашей совместной работы по поводу возможных карьерных троп красавицы Ангелины заводили нас обеих в экзистенциальный тупик под названием «бессмысленность жизни». Очень скоро я поняла, что ценность Линки, как бы это мягче сказать, «жить в кайф» — превыше всего. И даже здоровых амбиций. Ей важно, чтобы количество усилий, которые она прикладывает ежедневно, «таща на себе все это» (это ее собственное выражение, которое я никогда не смогу понять), было комфортным и сопрягалось пусть с не очень большими, но адекватными затраченному напряжению деньгами. Самое главное, чтобы свои

потуги (держу пари, перечень наверняка начинается с усилия проснуться в восемь тридцать утра) она в эту сумму оценивала. Неважно, что зарплата покрывает только ежемесячный расход на булавки и чулки. Больше Ангелина от работы ничего не хочет. Вокруг нее стаями выются мужики, которые мечтают ее обеспечить. Когда Ангелина перемещается в пространстве — это всегда гипнотическое действие. Все части тела: маленькая попка сердечком, переходящая в узкую талию, длинная тонкая выющаяся спина, перетекающая в грациозную шею, и выразительные музыкальные руки — начинают непостижимым образом не двигаться даже, но вибрировать. Все эти переливы, ввинчивания, покачивания рождают невероятную пластику, почти музыкальный ритм. Линка живет в этом ритме, напиваясь им сама, погружая в транс всех, кто находится в радиусе десяти метров от нее. Я помню, на одном из корпоративов по поводу моего дня рождения, когда в зале ресторана заиграла музыка, она просто встала из-за стола, вывинчивая руку из нежного, трогательного, обнаженного плеча и заправив медную кудряшку за ухо, одновременно склонила голову в каком-то покорном поклоне... Взмахнула ресницами, и мне показалось (или это правда было так), что на мгновение прекратился звон вилок и ножей, звяканье бокалов и мужики застыли с открытыми ртами. И воздух стал плотный и вязкий от их желания. И она поплыла в этом пространстве, раздвигая их похоть всеми частями тела, как толщу воды. Это была абсолютная ма-

гия женской красоты... Я — знаток и ценитель прекрасного, поэтому в моей компании Ангелина работает Ангелиной. Я негласно ей это позволяю. Зачем? В очередной раз пытаюсь ответить на этот вопрос, но ответа пока не нахожу. Просто откуда-то приходит знание: пока Линка хочет у меня работать, а я могу платить ей зарплату, которой ей хватает на булавки и чулки, и позволяю не перенапрягаться, она будет работать у меня. Она — мой талисман. Правда, этого она пока не знает. Незачем провоцировать разговор об увеличении оклада.

Я понимаю, что сейчас мне придется демонстрировать один из главных моих талантов (помимо дизайнерского, разумеется): создавать контакт с любым человеком, вне зависимости от моих пристрастий, близости наших взглядов, интеллектуальной и эмоциональной сопричастности. Хотя это умение, которое я возвела в ранг искусства, и требует заметного напряжения души, мне по-прежнему интересны люди! Как будто каждый человек — уникальный ребус, требующий непрременной разгадки. Этот разгаданный код можно потом использовать с целью улучшения вашей, то есть нашей с ним, коммуникации. Какой частью своего организма я это понимаю? Сердцем. Я распространяю вокруг себя лучи понимания-мудрости:

— Чем могу быть полезна? Насколько я поняла, вы обсуждаете сейчас проект дизайна?

Куколка хватается за меня как утопающий за соломинку:

— Мне не нравится проект! — уголки подкачанных гиалуронкой губ норовят опуститься вниз.

— А что не нравится?

«Держу пари, колористическое оформление. Насколько я знаю Машу Осокину, она терпеть не может розовый цвет».

— Ну скажите, что это? — куколка тычет мне в лицо коллажи и эскизы.

— Вам не нравится стиль или цвет?

Куколка внимательно смотрит на меня, и траектория ее мыслей отражается на прекрасном и каком-то незамысловатом лице.

«Почему мужчинам так нравится этот типаж? Мне кажется, я с ума сошла бы просто от перспективы провести с ней хотя бы один вечер. К сожалению, все очень просто объясняется # есть ТЕЛЮ. Молодое, гибкое, вкусно пахнущее молоком и медом. Да уж... Есть ТЕЛЮ, и уже неважно, что в глазах # пустота или, еще хуже, мелькающие, как у счетчика в такси, изображения доллара». Мои мысли никак не мешают лучам понимания-мудрости светить из меня, согревая «не пару». Я скольжу взглядом по эскизам:

— Вижу, что изначально вы склонялись к стилю гранж.

Она заворуженно смотрит на меня, и я сама себе кажусь факиром, который игрой на простейшей дудочке гипнотизирует змею. Но куколка — не змея, поэтому я проясняю ситуацию:

— Знаете, в таком бешеном ритме, среди каменных гро-

мад домов есть интерьеры, в которых живет простая житейская мудрость, обычные человеческие чувства. И этот интерьер однозначно ваш, если вы бежите от вычурности, помпезности, публичности, хотите, чтобы ваше пространство было вам интуитивно понятно, логично. И в то же время было особенным. Для меня гранж про умиротворенность... Нет?

Куколка еще больше округляет открытый рот, а я еще очевидней становлюсь факиром... Моя речь, словно дудочка, убаюкивает, отрешает от действительности. И это плохо. Это не приводит меня к пониманию, что же ей все-таки нужно. Наоборот, разводит нас в параллельные реальности, где каждая из нас живет свою жизнь. Я смотрю на «депутата» и читаю в его взгляде обожание и скуку одновременно. Совершенно очевидно, что он примет любое ее решение. Да, главная в этой «не паре» — куколка. С ней и буду работать.

— Ну вот посмотрите, это же скучно! Как в обычном буржуйском доме!

Я вижу спешащую с кофе на подносе Машу, у которой какие-то порывистые глаза. А все от желания скорее прийти мне на помощь.

«Так... Уже кое-что. Только что куколка призналась, что просто уют # это плохо! Господи, ну посмотри на нее # все же понятно!»

— А как бы хотелось?

— Чтобы было ярче, праздничнее! Чтобы в этой квартире

хотелось жить!

— Ага... — я киваю головой, хотя и не уверена, что правильно понимаю очевидные для нее вещи.

Маша присаживается рядом со мной и стремительно, разбегаясь внутри себя в своих аргументах, как самолет на взлетной полосе, смотрит то на меня, то на куколку. Правда, еще иногда бросает взгляд на «депутата». Даже эти простейшие переглядки она умудряется делать в едином стиле, из простого желания — незамедлительно прийти на помощь. В какой-то момент Маша все-таки пытается вставить свои пять копеек:

— В прошлый раз вы говорили...

Я отчаянно наступаю под столом на ее ногу и перехватываю инициативу:

— А какой ваш любимый цвет?

— Розовый.

Куколка отвечает, не задумываясь. *«Могла бы сама догадаться».*

— А вы знаете, я бы предложила вам фьюжн. Размеры квартиры позволяют этот стиль. А в нем можно все! Мне кажется, он все ассимилирует и выдаст вашу индивидуальность на границе возможного и дозволенного. Такой своеобразный коллаж, подчиненный одной идее.

Куколка опять смотрит на меня как на факира.

«Определенно мне нужно научиться проще и плоче формулировать свою мысль, как скульптору, отсекая все

ненужное и витиеватое».

— Знаете, вам нужно выбрать концепцию для своего жилища. Ну, например, «Уютное гнездышко», или «Яркое лето», или «Жизнь — путешествие», или...

Я намеренно беру паузу и держу ее столько, сколько это возможно. Куколка оживает:

— А можно выбрать две?

Я выпадаю из своей реальности:

— В смысле?

— Ну можно выбрать две концепции?

— Конечно, можно все! Особенно в этом оформительском стиле. Но я все-таки вам порекомендовала бы остановиться на одной идее. И тогда она как стержень будет объединять, цементировать визуальный образ. Без этого смыслового стержня интерьер будет разваливаться...

Куколка заводит глаза к потолку, наглядно иллюстрируя фразу из любимого нами детского мультфильма: «У меня есть мысль, и я ее думаю». Потуги выдать единственный и неповторимый концепт, апеллирующий к уникальному опыту владельца идеи, заставляет меня отнестись к ней сочувственно и с пониманием. Я с готовностью предлагаю ей совместное творчество:

— Любая законченная мысль. Может быть, любимый стиль музыки, страна, где вы любите путешествовать...

Я устала ловить профилем порывистые взгляды Маши и теперь уже сама стремительно смотрю на нее. По искрам,

которые нет-нет да и мелькают в глазах куколки, я понимаю, что некоторые идеи все-таки посещают эту прелестную головку. «Депутат» окончательно млеет то ли от наших совместных умствований, то ли от вида интеллектуализирующей куколки. Так умиляются неразумным детям. Я вдруг начинаю понимать, почему они вместе. И что он получает от нее — незатейливой, как цветок фиалки. Вдруг куколка медленно возвращает глаза на своем лице на место. Они наполнены смыслом и вожделением. Я понимаю, концепт рожден в нереальных муках! И от своего она уже не отступится. «Аллилуйя!»

— Любовь, — с придыханием выдыхает она.

— Блес-тя-а-а-щая идея! — у меня вырывается стон облегчения.

«Идея действительно неплоха, несмотря на всю широту своей трактовки. Мужчина и Женщина. Адам и Ева. Ромео и Джульетта. Самое главное, что в этом образе присутствует сильная эмоциональная составляющая, которую можно привнести в ассоциативные связи между предметами, вещами и аксессуарами».

— Да, и я люблю Италию. Я туда шопиться езжу.

«Еще одна зацепка. Теперь необходимо выяснить ее музыкальные пристрастия. Надеюсь, это будет музыка не в стиле „О боже, какой мужчина!“ Но это уже, друзья мои, без меня!»

— Мария, как можно более размытые границы — вер-

тикальные, горизонтальные... Выберите основной колор. Пусть это будет белый или более теплый — сливочный цвет. Ну, понятно, что он не будет играть роль первой скрипки в нашей с вами цветовой истории. Я рекомендую использовать яркие колористические пятна: лимонный, терракотовый, кобальтовый цвета. В том числе цвет фуксии. Можешь попробовать изменить привычную геометрию дверных и оконных проемов. Но сделай это в едином дизайне и размере. Я думаю, наши клиенты оценят это. И, конечно, можно поиграть с пространством зеркалами. Пусть они создают иллюзию коридоров даже там, где их нет. — Конечно, я говорю все это исключительно для куколки. Маша блестяще чувствует особенности стиля фьюжн. — А сейчас я вынуждена вас покинуть... Была рада нашему знакомству!

Куколка вдохновенно сияет глазами и даже заметно хорошеет. Я вновь в ореоле лучей понимания-мудрости:

— Надеюсь, мы еще увидимся с вами! Во всяком случае, вы всегда можете на меня рассчитывать.

«Депутат» любезно привстает, провожая меня из переговорной. Мы обмениваемся энергиями, и я чувствую, что он доволен. Это как в стиле фьюжн-интерьеров — прогнозируемое, ожидаемое взаимопроникновение культур и субкультур.

Глава 3

Я погружаюсь в работу, но и она на сей раз не спасает от гнетущей мысли, что Марго скоро переедет в мой дом. Этим все сказано. И не будет уже дома в том привычном понимании этого слова, когда мой дом — моя крепость. Не будет, а будет что-то другое... У меня есть еще один уникальный дар. Если я не могу принять действительность, мое воображение, рисуя какие-то очень примиряющие картины, позволяет мне иначе к ней относиться... Но сейчас воображение молчит. Может быть, потому что сегодня был особенно насыщенный день, который закончился деловым ужином с партнерами в итальянском ресторане. Я наливаю себе немного коньяка и достаю из холодильника нарезанный прозрачными ломтиками лимон. На этот раз коньяк не идет, вернее, обжигая гортань, не вызывает образ, от которого можно оттолкнуться в фантазии про мой дом с Марго... И тогда я начинаю воссоздавать яркие образы своего детства, доставая воспоминания из своих закровов, словно банки с соленьями из погреба...

...Я всегда знала, что в нашей семье главная фигура — это мама. Марго, как называли ее дома и вне его. Во всяком случае, те, кто относился к ближнему кругу семьи, могли себе это позволить. Для остальных она была Маргарита Гер-

мановна — заслуженный работник управленческого аппарата Министерства культуры. Она всегда знала, что на работе у нее есть негласное прозвище — Королева Марго. Прозвище льстило и укладывалось в прокрустово ложе ее представления о себе. Думаю, поэтому она позволяла ему быть. Марго очень гордилась своей министерской работой в отделе изобразительных искусств. Для меня мать всегда была созвучием нескольких существей — стать, стиль, самка, сила, самодержавие, снобизм, страсть. Почти как теория «Семь Пи» в маркетинге, — в сущность или сучность Марго были намертво замурованы «Семь С». Они настолько въелись в ее существо, что позволяли воспринимать ее целостной и монолитной.

Женщиной она была высокой и статной, широкой в кости, всегда следила за своей фигурой. Любила себя, впрочем, всякой. Это позволяло не обабиться, нести свою стать с поистине царственным величием. Интеллигентные родители Марго (моя бабушка была учительницей истории, а дедушка — профессором математики в МГУ) напитали не только душу, но и разум. Семья как благодатная почва, в которую высаживают деревцо. Корни вбирают в себя родовые соки — историю рода, древнюю его память. Это то, что называют генетикой. Марго страшно гордилась своей семьей. Правда и то, что именно семья нанесла Марго основную детскую травму, которую она отработывала всю свою яркую, успешную, наполненную суетой сует жизнь. Когда бес толкнул-

ся в ребро, папа-профессор внезапно покинул семью. Ушел к своей аспирантке — серой мышке в очочках. Преступная связь, которая длилась, вероятно, не один год, не была заметна домочадцам. Дедушка тщательно скрывал ее. И уходил он как вор, который выносит из дома семейное благополучие. Всю свою жизнь он занимался наукой. У него были потрясающие работы в сфере теории чисел. Он всегда решал сложные математические задачи, пытаясь найти для них простейшие методы решения. Но найти решение, как сделать всех вокруг себя счастливыми — жену, любовницу, собственную дочь, — так и не смог.

Он побросал в спортивную сумку свой нехитрый скарб — несколько костюмов, дюжину рубашек, галстуки, которые Нина Георгиевна с таким упоением доставала на промтоварных складах, из-под прилавка в крупных магазинах. За книгами потом приехала «газелька» с предусмотрительно нанятыми грузчиками. На столе моя бабушка — мама Марго — нашла записку: «Устал. Люблю другую. Ухожу». Мне кажется, именно тогда Марго решила: чтобы чувствовать себя сильной и независимой, нужно контролировать ситуацию. Она всегда была эмоциональным стержнем дома. Моей бабушке Нине Георгиевне, мягкой, уступчивой, домашней, было далеко до властолюбивой дочери. Эго Марго звучало громко и ненасытно. И это было бы полбеды... Но со всей мощью оркестра рефреном ее личности прохо-

дила тема: «Все, кто эмоционально зависит от меня, слабые и непрактичные люди!» Черно-белое восприятие мира облегчало интерпретацию жизни и отупляло сердце. У нее легко получалось игнорировать боль и эмоции других людей. Но это не потому, что она — монстр (хотя иногда мне казалось, что это так), а потому, что она удивительным образом отрицала свои эмоции. И в первую очередь свою боль... Нина Георгиевна так и не оправилась после бегства бабушки и даже много позже, вынужденно комментируя факт его ухода из семьи, впадала в самоиронию: «Уж полночь близится, а Германа все нет!» Марго истово приняла на себя роль семейной Жанны д'Арк, хотя с отцом тайно встречалась. И даже пользовалась его протекцией при поступлении в вуз и устройстве на работу.

Из желания реализовать свои права взрослого и вполне самостоятельного человека Марго очень рано создала семью. В семнадцать лет ушла из дома. В этом же сублильном возрасте (о ужас!) родила меня от человека много старше ее. В восемнадцать вышла за него замуж. Порядок событий был нарушен раз и навсегда, но это никогда не мешало Марго преподносить свою личную историю как классический пример современных Ромео и Джульетты.

Марго была непревзойденной актрисой, всегда поступала так, как хотела, при этом довольно искусно, по-актерски вы-

двигала мужа Дрюню на передний план. Особенно перед посторонними. Марго понимала: главное — сохранить чувство собственного достоинства мужа. Его реноме. Но также всегда знала, что переиграет его волю на сцене Жизни. Это было настоящее лицедейство, поскольку в семье царила Она. А показная покорность — ведь это не слишком большая цена за помазанье на царство. Она предпочла остаться самодержицей навсегда и после смерти отца с достоинством несла вдовью долю, хотя мужчины вились вокруг нее, влекомые ее зрелой статью. Пока не сошла с ума и не увлеклась альфонсом.

У нее было странное чувство стиля. И мне, напитанной свободой в моем свободном от Марго доме, всегда было трудно понять его. Она любила деловые официальные костюмы, сковывающие, запечатывающие твою индивидуальность, сглаживающие шероховатости и острые углы. А углов было предостаточно. Костюмы шились исключительно на заказ, какой-то удивительной портнихой, которая обшивала дам из номенклатурной верхушки. И хотя Марго была женой скромного инженерно-технического работника (папа работал на авиационном заводе), да и ее должность была не очень значительная, разве что министерская, она сумела пробраться в круги, обслуживающие власти предрежущие. Наверное, тогда лучше всего было находиться в составе чиновничьего аппарата. Однако вернемся к портнихе...

Костюмы на Марго сидели исключительно, несмотря на то, что фактура была местами выдающаяся и для портного дела непростая. А уж под них она умудрялась себе доставать водолазки, батнички, блузки, шарфы, шейные платки, которые, что ни говори, как-то оживляли официоз имиджа. Образ венчали стильная стрижка, дорогие украшения и только французские духи. Чувство стиля я считаю качеством врожденным. Оно либо есть, либо его нет. Марго умела все это носить. А еще гордо носила меха, бриллианты и статус. В те времена, когда все это можно было исключительно достать, она умудрялась иметь нужных людей — Раечек, Зоечек, которых дома называла не иначе как Райка и Зойка, — во всех слоях сферы обслуживания и не только. Свои люди были в больницах, театрах, образовательных учреждениях, но самое главное — в магазинах. И, похоже, все они были женщинами, потому что я помню только женские имена. Гальки, Ирки, Ленки, Нинки... Была какая-то Снежана, об имя которой Марго спотыкалась, как стреноженная лошадь, скачущая на одной ноге. Назвать работающую в ГУМе «доставальщицу» элитной французской парфюмерии и косметики Снежанкой язык не поворачивался. Еще одно имя и даже имя-отчество, что было весьма непривычно, которое я помню из детства, — Ираида Степановна. Статус личного гинеколога Марго определялся тем, что даже дома она называла ее только по имени-отчеству. Видимо, то, что Ираида Степановна видела Марго с разных сторон, вернее, даже боль-

ше со стороны причинного места, вызывало уважение и даже внутренний трепет. Мать всегда учила меня, что у каждой женщины обязательно должен быть личный парикмахер, косметолог и гинеколог.

Марго неприлично рано сошлась с моим отцом и прожила с ним долгую жизнь. Когда-то я задавала ей вопрос: счастливую ли? Марго всегда трубила прокуренным голосом: разную. Родители удачно дополняли друг друга. Я полагаю, что отцу было непросто под прессом Маргошиных (так он ее называл) амбиций, но поскольку сам он был человеком спокойным, негромким, справедливым, мощная разрушительно-созидательная энергия жены его не подавляла, а удачно дополняла. В общем-то, в нашем доме — огромной четырехкомнатной министерской квартире напротив Елоховского собора — было не принято интересоваться папиной работой. Я думаю, он был по-своему счастлив в орбите своей жены. Очень скоро Марго поняла: если хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сама. Бремя добытчика и кормильца она в какой-то момент взяла на себя, оставив папе скромную роль не слишком удачливого мужа и отца. Я вдруг подумала, что папу мне никогда не пришло бы в голову называть в своих внутренних монологах по имени — Андрей или Андрей Ильич, а Марго по-другому не получалось. Наверное, потому что роль мамы ей была откровенно скучна. Я была ребенком чувствительным, тонко организованным, и моя кажущаяся

яся хрупкость могла бессознательно тревожить ее больше, чем следовало бы. В общем, материнством своим она не то чтобы тяготилась, просто более комфортно и органично чувствовала себя в роли добытчика, кормильца, главы семьи, министерской дамы, самодержицы. Хотя теперь, спустя годы, я понимаю, как нелегко ей пришлось. Женщина, которая делает карьеру в нашем обществе, делает ее не благодаря, а вопреки. Потому что в отличие от Прометея-мужчины, от которого весь мир ожидает достижений, подвигов, успехов, огня, в конце концов, для домашнего очага, — у женщины другое предназначение. Вот что бы там ни говорили... Недодает карьеристка материнской любви своим детушкам, не жарит для них нежные телячьи котлетки, не смотрит, вымыты ли ушки, сделаны ли уроки... И самое смешное, что так думают не только менее удачливые женщины вокруг, муж-Прометей, мать Прометея, но и сама женщина. Я думаю, что из этого чувства вины и произрастает авторитарность Марго, которая и по сей день делает для меня ураганными и сокрушительными ее нашествия в роли мамы.

Я уверена, что на работе ее уважали. В Марго была генетически зашита батарейка, которая обеспечивала стабильный внутренний драйв. Пребывание рядом с человеком, основной посыл которого в этот мир: «Я знаю, что нужно сделать, и я могу это сделать!» — наполнял уверенностью. Для подчиненных так значительно спокойнее. Да и Марго с зависимы-

ми от нее людьми вела себя обычно честно. Они всегда могли чувствовать ее спину, она никогда не выделяла «любимчиков», была справедлива. «Врезать» могла исключительно по делу, но если бралась опекать — мама дорогая! — думаю, влюбляла в себя человека безоглядно.

В семье ее самодержавность слегка придавливала и обезволивала. Она всегда лучше всех знала, что для каждого из нас правильнее. Это утомляло, но спорить с ней было абсолютно невозможно. Мы были не подчиненными, но подчиняемыми. С нами можно было не церемониться. Не знаю, с чем позволительно было бы сравнить ее энергию. Глыба... Машина, которая для достижения своей цели или целей семьи могла пройти бульдозером по головам, смять, уничтожить и даже не заметить этого. Правда и то, что я не знаю человека, который с такой готовностью мог бы вызывать огонь на себя. Она могла подставить себя, бросившись на защиту чести и достоинства семьи или отдельного ее члена, не требуя потом никакой благодарности. Ее просто всегда нужно было признавать вожаком клана. Марго использовала каждый грамм своей страстной природы и силы духа, чтобы построить лучший мир для каждого в нашей семье.

Иногда она снобила. И это были самые непростые мгновения нашего с ней общения. Во всяком случае, для меня. В такие моменты ей казалось, что ее принадлежность к ми-

нистерской элите делала ее «над» другими смертными. Она со всей страстностью своей натуры начинала преувеличивать свои достижения, могущество, всесильность. Но при всем при этом, мне кажется, кем бы она ни была — министром, домработницей, матерью семейства или владелицей бизнеса, — она в любом случае оставила бы свой уникальный след в том, что делала.

И еще про страстность ее натуры. Когда Марго чего-то вожделела, она в буквальном смысле теряла контроль над ситуацией. Отвечать на вызовы жизни для нее значило получать жизненно необходимую порцию адреналина. Иногда страсть была направлена на саморазрушение. Она всю жизнь курила, но так и не смогла бросить эту вредную привычку, игнорируя возможные последствия. Мертвая хватка вожделения в какой-то мере та же антитеза контролю. Чем больше она испытывала вожделения к человеку или объекту, тем больше находилась под его влиянием. Вне зависимости от того, на что ее вожделение было направлено — деньги, секс, власть. Я помню, как Марго вожделела какой-то шелковый пиджак с бархатными капельками на нем. На ком-то она его увидела на нашу беду. Она месяц гоняла по каким-то складам, базам, магазинам, пока сеть контактов не вывела ее на нужного человечка, готового достать пиджак за немислимые деньги — сто пятьдесят рублей. Это была месячная зарплата папы. Марго, обычно такая практичная, земная, рассудительная,

словно голову потеряла. Но через несколько дней пиджак гордо висел на плечиках в шуршащем целлофановом пакете в ее платяном шкафу. Надет был несколько раз, не больше. Но дело же не в этом! Марго отвоевала его у жизни! Выгрызла у кого-то зубами! А все остальное было неважно. И еще она была любительница головных уборов. Шляпки ей везли из-за границы мидовские работники, тоже за большие деньги. Ей удивительно шли шляпы, причем самого разного фасона — слауч, котелок, федора, клош, шляпка-таблетка с вуалью и без. Слава богу, рост и стать позволяли. Так вот, когда ее вожделение приобрести ту или иную понравившуюся вещь выходило за рамки здравого смысла, она, опасаясь семейного осуждения, просто заболела. Разумеется, после того, как покупала предмет вожделения. То есть как-то боком, став вдруг в два раза меньше, понуро двигалась в спальню, ложилась там на кровать лицом к стене и начинала тихо вздыхать. Я думаю, с ее-то кипучей энергией нелегко было так улежать весь день, но делать было нечего. Все в доме начинали ходить на цыпочках: Марго болеет. Чем она болеет, никто не уточнял от греха подальше. Но самое тяжелое в этом спектакле одного актера, думается мне, было все-таки даже не лежать, а ничего не есть. В дни болезни Марго не выходила из спальни. Я искренне ей сочувствовала и страшно переживала, что она ослабнет окончательно. Даже голос Марго в эти дни менялся, как будто истончался и превращался из тембра трубы в стенающий голос флей-

ты. Однажды я, встав ночью по малой нужде, увидела полоску света, пробивавшуюся под дверью нашей кухни, и, еще не проснувшись, двинулась на свет. Увиденное заставило меня проснуться окончательно. Марго стояла в шелковой пижаме над плитой, где наша домработница Дуся забыла десятилитровую кастрюлю борща, и ела половником прямо из кастрюли. Мы вперились друг в друга глазами. Я была настолько счастлива, увидев здоровую маму, с удовольствием уплетающую борщ, что даже ничего спрашивать не стала. Марго громко икнула и сказала по привычке все еще ломким, истончившимся голосом:

— Пошла свет на кухне выключить, а тут борщ... Ты чего здесь?

— Да так... В туалет вышла. Ты ешь, мам, ешь...

С того самого времени это была наша маленькая тайна, а шляпка стала предметом, которым мы обозначали предвестие «болезни». Тогда я просто спрашивала: «Мам, опять шляпка?» И она лукаво улыбалась в ответ, дескать, надеюсь на тебя. Как только я узнала про ее хитрости, моей обязанностью стало следить за тем, чтобы на плите нашей кухни оставалось съестное: то котлетки с пюре, то наваристые борщи и рассольники, то пироги с разными начинками, по которым наша Дуся была большой мастерицей.

Ее всегда было слышно в доме, чем бы она ни была занята. Она и по телефону говорила трубно и громко. Самое смешное воспоминание из детства — шепчущая Марго...

Шепот, как правило, гулко раздавался в помещении. Как будто она говорила в кастрюлю. Однажды мы пришли с ней к Юльке на день рождения, я уже не помню чей, и Марго увидела Юлину бабушку — Изабеллу Леонидовну, худенькую, маленькую, какую-то законсервированную, в длинной юбке, блузке с жабо и кружевными манжетами, винтажной брошью. Глядя на нее, совершенно невозможно было определить ее возраст. Марго оцепенела, потом прошептала мне на ухо: «Разве можно так кокетничать с возрастом?» Она в то время, вдруг осознав свой возраст, очень критично относилась к молодым особам, к коим мгновенно причислила Изабеллу Леонидовну. Хотя, я думаю, сама Марго втайне сделала пару пластических операций. Но отнести себя к «молодым» — нет, это было выше ее сил! Я так и не поняла до конца, почему для нее было так важно, чтобы все вокруг считали, что в ее случае это просто хорошая генетика. Самое главное, что сконфузились все вокруг, особенно я, но не Марго. Она была уверена, что ее никто не слышал. Мои попытки убедить ее в обратном не приводили к успеху: «Это твоя беспокойная совесть, Дина!»

...Раздавшаяся трель мобильного телефона вырывает меня из плена воспоминаний. Отвоевывает драгоценные минуты жизни у Марго. Помяни черта к ночи...

— Привет, мам!

— Дина, почему так долго не звонила?

Я закатываю глаза к потолку и понимаю, что воспоминания о Марго, как это ни странно, примиряют меня с ней в действительности. Вздыхаю так, чтобы она не слышала. Она чутким ухом улавливает едва слышный вздох:

— Так-то ты рада матери...

— Мам, брейк, давай на время сложим оружие. Мы остались с тобой одни, и мне, правда, нужна твоя поддержка...

Марго на секунду замирает. Я как будто вижу перед собой картину, как она, хмурясь, размышляет, идти ли мне навстречу. В какой-то момент она решает сделать этот шаг:

— А кто же тебя поддержит, как не родная мать?

Она все еще в образе. Звучит патетично и отстраненно. Нельзя быть на сцене и рядом одновременно. Но лед сломан. Я — реалист и прекрасно понимаю, что завтра в наших душах не зацветут розы. Пустыня наших взаимоотношений выжжена и камениста... На такой почве любовь и нежность внезапно не прорастают... Но может быть, стоит попробовать? Всегда стоит попробовать...

— Когда ты приедешь, мам? Мне очень нужно с тобой поговорить...

Глава 4

Сегодня я встречаюсь с Денисом. Денис — человек-оркестр: друг, любовник, подружка, партнер. И я даже не знаю, какая из его ипостасей важнее и ценнее для меня. Он живет в Питере и занимается элитной недвижимостью. И очень часто «Арчибальду» перепадают проекты от его небольшой дружной и слаженной команды. Он странно назвал свою компанию — «Элос». Мне мерещится в этом названии «фалос» как обобщенный символ маскулинности и эрегированного желания. Денис считает, что я неосознанно все эротизирую, поскольку много лет живу, делая акцент на развитии «Арчибальда», пустив под откос свою личную жизнь. Отчасти он прав (это я про откос).

Когда я рассталась с Егором, Сашке было двенадцать, а мне, соответственно, сорок два года. Конечно, знакомства с мужчинами происходили регулярно, и я эпизодически бывала не одна. Но, в принципе, практически всегда в одиночестве. Сашку штормило не по-детски. Я не припомню, чтобы у нас когда-нибудь были столь непростые отношения. Тому было несколько причин. Мне отчаянно не хватало времени на саму себя. Сашка яростно ревновала. И я просто боялась за того мужчину, который окажется рядом со мной и еще в поле ее досягаемости. Брала меня этакая буржуйская стыдливость: а зачем ему все это нужно, если женщи-

на обременена настолько агрессивным ребенком? В общем, это был гордиев узел. Так мне тогда казалось. Какое-то время коллекционируя непродолжительные романы, я остановилась на самом безопасном из них. Причем я не сразу поняла, что мне нужен именно Денис, и после нескольких романтических свиданий и страстных ночей мы перестали общаться. Инициатором разрыва была я. Впрочем, разрывом это сложно было назвать. В какой-то момент на любые предложения, поступающие от Дениса, я просто отвечала «нет». Он быстро сдался. Я и не ожидала другого развития событий. Но как только я определилась с тем, какие отношения мне нужны в режиме временного цейтнота и пубертатного периода Сашки, я подумала, что решить неразрешимую проблему в моей голове могло бы только расстояние. И вспомнила про Дениса. Он живет в Питере, я — в Москве, а значит, можно устроить очень удобный гостевой брак. Все решилось само собой. Вернее, стало делом техники. Конечно, я не предполагала, что Денис около года сидит и ждет, когда ему последует столь заманчивое предложение, от которого он просто не сможет отказаться. Но по счастливому стечению обстоятельств, когда я набрала его номер, он был не против встретиться. Через какое-то время, к моему удовольствию, он стал и вполне надежным деловым партнером.

Марго вообще не понимает, как можно иметь такие отношения. А проще говоря, отношениями их не считает. А по моему, вполне удобно. Мы зрелые (перезрелые, смеюсь я),

состоявшиеся личности. Современный и весьма динамичный мир за окном тоже ведь никто не отменял. Нас тянет друг к другу, мы живем в разных городах. Он в интеллигентном и дерзком Питере, который сам себе на уме, я — в расхристанной, эклектичной, пряничной и обожаемой мной Москве. У каждого из нас интересная работа, которая не только способ зарабатывать деньги, но и влечение души. Это самое большое счастье на свете, когда твое нерентабельное хобби в какой-то момент вдруг становится источником дохода. Тогда ты перестаешь работать, ты просто делаешь то, что любишь! А потом, когда тебе «за» и у тебя свой собственный бизнес, трудно себе представить рутину, убивающую отношения. Я не представляю, как я после работы навожу в квартире порядок или готовлю ужин. Лучше заниматься собой. В этом возрасте трудно идти на подвиг даже ради отношений и статуса неодинокой, замужней женщины. Он тем не менее важен, поскольку расправляет плечи. Наше общество диктует свои «должна» в отношении прекрасной половины человечества. Ты должна выйти замуж, должна родить ребенка, должна создать семью...

В гостевом браке никто никому ничего не должен. Мужчина и женщина периодически приезжают друг к другу в гости. Каждый визит наполнен ожиданием праздника, приключения, удовольствия. В какой-то момент я поняла, что сделала такой выбор не только и не столько из-за Сашки. В конце концов, ее пубертат — дело труднопереносимое, но ко-

нечное во времени. В большей степени меня пугали всевозможные бытовые нюансы, запускающие выяснения отношений: кто не вымыл за собой тарелку, кто оставил открытым тюбик с зубной пастой... Про тюбик — отдельная история. С ним связан не только миропорядок в доме, это в буквальном смысле — концепт жизни. Когда я вижу открытый тюбик с пастой, а еще хуже, когда выдавливание вожаделенного продукта происходит смятием в кулаке, а не постепенным закручиванием завальцованного конца гибкой упаковки, — рушится мое представление об уюте в доме. Я тут как-то увидела себя в зеркале после созерцания смятого Сашкой тюбика: безнадежный излом бровей, уголки губ опущены и вид такой, как будто я глотнула укуса. Глаза — страдальческие и выразительные. И если бы я была актрисой, самое время было запрыгнуть в кадр играть про любовь и муки расставания. Трагичное, одним словом, было лицо. Впрочем, лучше Третьякова про тюбик никто не сказал и не написал:

А я как дура — носки стирала,
В супы ложила бульонный кубик,
И всё просила, всё умоляла:
«Почистил зубы — ЗАКРОЙ, БЛИН, ТЮБИК».

Вот она — ода бытовой жизни: от постирушки носков до бульонных кубиков и пресловутого тюбика зубной пасты под возмущенный аккомпанемент: «Да что ж вы все *ложите*

и ложите...»

Итак, свидания наполнены гармонией, теплотой и даже страстью... Кроме того, такие отношения оставляют иллюзию персональной свободы. От чего или от кого? Да бог его знает... Мы с Денисом очень похожи в восприятии чувства долга: не тяготиться и не остывать, — а это, согласитесь, легче делать на расстоянии. Дальше-ближе — очаровательная игра, которая позволяет нашим параллельным мирам все-таки взаимопроникать и взаимообогащаться. Меня тяготит бремя долга, Денис, похоже, вообще несет его с отвращением. Я замечаю, что стоит мне задержаться в его постели или жизни, как что-то качественно меняется в наших отношениях. Как только он воспринимает секс со мной как супружеский долг, вся его мужская сущность сопротивляется этому: естество притормаживает, застаивается на запасных путях, уже не несетя в меня с радостной неизбежностью, взрываясь кульминацией сексуального возбуждения. И здесь оркестровое tutti¹... Наслаждение, удовлетворение, первозданность, обостренность, самость, эйфория, растворимость, истаявание... И каждое чувство ведет свою партию.

...Я, привстав на локте, смотрю на спящего Дениса. Сон его крепок и безмятежен. Иногда он умиляет меня. Особенно когда спит вот так, как теперь: лежа на животе, прядь волос, спадающая на лоб, подушка, подпирающая щеку. Неожиданно почти детское выражение лица. Может быть,

¹ Исполнение музыки полным составом оркестра или хора.

щек, смятая такой позой, придает ему умиленное выражение? А может, обнаженная ягодица как живое воплощение полубеззащитности (было бы обнажено две — была бы полная беззащитность). А вообще я замечаю, что спящий

Денис значительно трогательнее бодрствующего. Сегодня было все, как я люблю в дни его приездов. Прогулки, рестораны, премьеры в театре, романтический ужин, долгие разговоры по душам, хороший качественный секс. Я усмехаюсь. И думаю, что, только когда тебе «за», можно позволить себе такой эпитет в отношении секса. И это еще один момент, который сильно осложняет отношения в определенном возрасте. Здоровый прагматизм. Или уже не сильно здоровый. Но отчего-то воспоминания о таком радостном и безупречном дне вместе с моим мужчиной вдруг навевают печаль. Я не рассказала сегодня Денису о том, что мне предстоит съехаться с мамой, и о том, как меня волнует брак Сашки. Особая нежность заполняет меня сейчас, а вместе с тем все-таки грусть. Гостевой брак вдруг наплывает на меня своей лунной стороной. Известно, что каждое явление имеет две стороны медали. И плюсы я однозначно отношу к солнечной, а минусы — к лунной стороне. Я ощущаю необъятное одиночество, подкрашенное отсутствием самой возможности попросить о моральной поддержке сейчас. Ведь это, не дай бог, разрушит ту легкость, воздушность, которые есть сейчас между нами. Маску благости, намертво приклеенную к моему лицу, я вдруг начинаю ощущать именно маской.

И с болью осознаю всю фальшивость наших с ним отношений. К черту! Сейчас я хочу сорвать с себя маску благополучия и сытой успешности. Содрать ее с кровью. Растволкать Дениса и сообщить, что мне сейчас страшно. Очень страшно! Спросить его, знает ли он, что такое синдром опустевшего гнезда, в которое собирается вернуться старая аистиха. В какой-то момент пугаюсь своего порыва. Да и лица жалко! Заталкиваю непрошеное желание глубже — внутрь своего естества. Мое сердце обрастает хрустальной коркой. Она поблескивает и переливается, оставаясь холодной даже от соприкосновения с моими мыслями, издает мелодичный перезвон от касаний наждачной действительности. На глаза наворачиваются слезы... А может быть, просто я слишком долго, не моргая, смотрю на Дениса. Такая жизнь... Моя.

Александра в квадрате (так я теперь называю свою дочь) возвращается завтра из свадебного путешествия. Я рада, что оно, благодаря Италии, наполнилось яркими живыми эмоциями. И может быть, стоя под балконом Джульетты в Вероне, читая надписи на стенах ее дома, они прониклись настоящим духом романтики? Во мне опять набатом звучит предвидение. Нет, не сейчас... Довольно страхов! Моя дочь любит и любима. И тот факт, что молодой не отвечает моим требованиям о высоконравственном и добром человеке, от-

части можно объяснить тем, что каждого претендента на руку и сердце Сашки я рассматриваю пристрастно и пристально. И не факт... Чушь! Сейчас в своем внутреннем монологе я больше, чем когда-либо, понимаю, почему Александр так не нравится мне. Он не любит детей и собак. Как я это поняла? Сердцем. Дом, где не любят детей и собак, не может называться счастливым. Хотя внешне муж дочери такой элегантный, предупредительный, вежливый, почти до неприличия. И замуж Сашку позвал достаточно быстро, что тоже большая редкость в наше время. Казалось бы, о чем еще мечтать? Но есть в нем что-то неуловимо странное. В глазах... Какая-то стальная льдинка. Иногда мне кажется, что при взгляде на него я вижу жестокий, звериный оскал, в ужасе всматриваюсь в породистое лицо, пристально вглядываюсь, пытаюсь прочесть как открытую книгу. И в следующий момент понимаю, что это игра света и тени или причуды моего воображения. Милая, открытая улыбка... Ложки нашлись, но осадочек остался. И вновь во мне зреет тревога, как будто я на пороховой бочке. Но я могу только наблюдать и разделять участь своей дочери. И быть рядом, если что-то случится... Что-то непоправимое. Ну вот, опять... Сердце-вещун.

Я иду в Сашкину комнату. Здесь все останется, как было, пока мы жили под одной крышей. Это целая мини-квартира в моем доме. Здесь есть все, что могло понадобиться моему ребенку. И телевизор, и спальное место, и зона отдыха, и рабочий уголок с письменным столом, и туалетный

столик, и вместительный шкаф. Она такая же противоречивая, как Сашка. Вот на пастельной стене над кроватью с балдахинном ветка сакуры (как символ обожаемой Сашкой Японии), а рядом с письменным столом графические рисунки из манги в рамочках разной величины. Нужно бы убраться немного... Привести комнату в порядок. Я подхожу к столу и сажусь на удобный минималистичный стул с подлокотниками и мягкой терракотовой подушкой. И, еще не успев подумать, выдвигаю ящик письменного стола. В нем — всякое барахло. Упаковка карандашей — Сашка рисовала всегда, как только выдавалась свободная минутка. Лежит парочка скетчбуков с ее рисунками, набросками, из которых потом вырастали сюжеты для работ по станковой живописи. Резинки для волос, шармы браслета Пандора. Тут же изящная шкатулочка, которую я покупала как раз для хранения «важных вех судьбы». Так мы обозначили мотивацию собирать наше с ней уникальное украшение, когда ей исполнилось девять лет. Собираю заброшенные шармики, что-то вспоминаю о поводах их покупки. Поводы могли быть самыми разными — от удачного выступления на каком-нибудь школьном концерте до победы в очередном художественном конкурсе, от дня рождения до какого-то яркого события в жизни (например, совместного путешествия или первой влюбленности). Вот, например, как раз такой шармик, который мы с ней называли Вадим, — ажурный, состоящий из крупных сердец, дополненных лепестком с цирконием. Почему

первая любовь зачастую бывает безответной? Раньше я думала, что тому причина — образ идеального партнера в нашей голове. Ну не можем мы встретить идеального человека. Образ этот разбивается при встрече с действительностью. И начинает наша фантазия об идеальном партнере, придумка о вечной любви скитаться по свету, вновь и вновь переживая безответную любовь. Трудно любить свою фантазию. Она, проецируемая нами на живых людей, всегда выглядит не совсем адекватной. Ну, в юности, предположим, трудно отделять зерна от плевел, особенно в ситуации «играющих» гормонов. Но я знавала людей, для которых отношения — это и есть череда разной тяжести любовей с несчастливым концом. И эта череда несчастий никогда не заканчивается. Мой знакомый по студенческой поре — Димочка Сидоров, которого в близком кругу называли Митя, — очень хорошо поднялся в девяностые. Начинал с Лужников и закончил сетью бутиков модной одежды по Москве. Обороты его компании, конечно, не сравнить с моей скромной деятельностью. Он до сих пор один. Мечется между женщинами, которых выбирает как под копирку. Все они модельной внешности... Вот только не подумайте, что я неуважительно отношусь к красивым женщинам! Это не так... Я — эстет, большой ценитель красоты, в том числе женской. Только мне нравится, когда к великолепной фактуре, данной Богом или выстраданной, бонусом прилагаются интеллект, хорошие манеры, большое сердце, талант. Даже если этот дар выража-

ется в приготовлении борща. Так вот, Митя с завидным постоянством наступает на одни и те же грабли. Его женщины все время от него что-то хотят. Им кажется, что Митя непременно должен разогреть огонь их чувств чем-то материальным. «Дровами» могут служить квартиры, бриллианты, меха, на худой конец. Митя отнюдь не телок, которым можно манипулировать. И как только он слышит очередную просьбу немедленно доказать свою любовь какой-то масштабной покупкой, он искренне расстраивается, но изменить траекторию развития своих любовных отношений никак не может. Очередная дама сердца получает то, что страстно хочет получить. И ладно бы она на этом успокаивалась. Вернее, так — она успокаивается на какой-то очень ограниченный период времени, с тем чтобы опять чего-то страстно возжелать. И бедный Митя вынужден все время подбрасывать дровишки в этот ненасытный, ничем не контролируемый костер. Как только он посмеет в чем-то отказать, его оргазмы сразу становятся менее качественными, а чувства его подружек исчезают, трансформируясь во что-то другое. И хорошо, если в равнодушие... Митя, бедняжка, навсегда уверовал, что все бабы — стервы, корыстные, продажные твари, которые не способны любить. Периодически я, выслушивая от Мити (мы дружим и часто встречаемся как «подружки» за чашкой кофе потрепаться, обсудить то, что происходит в наших жизнях) очередную историю несчастной любви, размышляю, почему Митя выбирает таких одинаковых

женщин. Милых, красивых, стильных, но не принимающих, не способных открывать свое сердце, а только качественно имитирующих оргазмы за шубку, кольцо с бриллиантом или квартиру в центре города. В какой-то момент понимаю (гештальт мне в помощь), что ребенок, хотя бы раз переживший расставание с близким человеком, фиксирует, что так могут вести себя близкие люди. И неосознанно выбирает эмоционально недоступных партнеров, холодных, с большим эго, до которых не достучаться, вновь и вновь переживая отвержение. Те партнеры, которые готовы дарить теплоту, незамедлительно отправляются в жопу. Они скучны и неинтересны... Как только я это поняла, безотлагательно посоветовала Мите крутого психотерапевта. Сначала Митя очень на меня обиделся, как будто я усомнилась в его нормальности и адекватности. Глаза сделались страдальческими и грустными, а голос как будто треснул. Мне пришлось долго объяснять, почему я считаю, что прибегнуть к помощи психотерапевта в данном случае не только нормально, но прямо-таки жизненно необходимо. Уговорила. Надеюсь, он исцелится от стервозных и корыстных баб...

На этой мысли Митя выветривается из моей головы, и я сосредотачиваюсь на содержимом выдвижного ящика. Сашка умеет создать вокруг себя творческий беспорядок и даже хаос. И всегда организует пространство «снаружи внутрь». Что-то похватает с поверхностей и небрежно затол-

кает в шкафы, умные системы хранения. Я со своей педантичностью — не параноидальной, конечно, но все-таки, — очень трудно переживаю нашу разность в этом. Мы вообще трудно переносим несоответствие наших ожиданий действительности, в чем бы она ни выразалась. Даже в собственном ребенке. Всюду мы хотим отражаться как в зеркале. Все эти мысли порхают в моей голове, легко затрагивая чувства, словно крыльями бабочек. Чувства не про это. Не про беспорядок. Про ранний брак моей дочери. Но может быть, я сейчас его так же драматизирую, как когда-то хаос на ее столе? Я продолжаю аккуратно складывать ее личные вещи в ограниченном пространстве ящика письменного стола. И вдруг мой взгляд падает на тетрадь, которую я раньше у Сашки не видела, — клетчатую, с большой застежкой в виде пуговицы, явно самодельного характера. Не похожа она и на скетчбуки, которые я покупала ей по несколько штук на год. Что-то подсказывает мне, что это дневник. Я медленно, почти воровато открываю первую страницу, исписанную убористым Сашкиным почерком... И захлопываю ее. Нет, нехорошо читать чужие письма и дневники. Это все равно что подсматривать в замочную скважину, рассматривать что-то обнаженное, тайное — ведь дневникам доверяешь такие мысли, в которых иногда стыдно признаться самой себе. Я тут же начинаю успокаивать себя тем, что Сашка давно выросла. Вот уже замужняя дама. А дневник — это глубокое прошлое. И нет ничего страшного в том, что я одним глазком загляну в ее ду-

шу. Я страдальчески морщусь, рывком набираю воздух в легкие, как когда-то Сашка перед погружением в воду, и решительно открываю первую страницу...

Глава 5

С Егором мы познакомились на какой-то студенческой вечеринке. Мой будущий муж мне тогда не понравился. Он был шумным, веселым и организованным вокруг себя. Я всегда удивлялась неизменности этого качества. Все в жизни меняется. Но только не это его свойство. Сейчас мы уже можем общаться, но в момент разрыва я была перекормлена им по самые брови. Он окончил географический факультет МГУ, но практически сразу после окончания престижного вуза стал искать себя в журналистике. Егор имел непомерно раздутое ЭГО, которое напитывалось только мыслями о славе. Он всегда жил, нарушая все мыслимые и немыслимые правила, как будто раз и навсегда лишенный внутреннего камертона, встроенного в наше сознание чуть ли не с самого рождения. Что такое хорошо и что такое плохо, было ему неведомо. Лишенный высшего внутреннего руководства, он все в жизни изучал методом проб и ошибок. Теперь-то я точно знаю, он всегда сомневался, что нащупает единственно важные для себя темы в профессии, в жизни, в отношениях, поэтому предпочитал заниматься всем и сразу — делать ЧТО-НИБУДЬ, вместо того что ХОЧЕТ. Только это «что-нибудь» должно было быть вариативным. С выбором у Егора действительно была беда. Даже если этот выбор касался бытовой стороны жизни. Если Егор не знал, какое моро-

женое он хочет съесть на десерт — клубничное, шоколадное или ванильное, он заказывал все три вида и съедал их с превеликим удовольствием. Если же, не дай бог, он договаривался с собой о двух шариках (шел на компромисс), потом всерьез мог переживать, что лишил себя удовольствия съесть ванильное, например. Если Егор хотел женщину, он тоже предпочитал иметь сразу нескольких, потому что одна была красивой, другая — умной, а третья — похотливой сучкой, при одном воспоминании о губах, руках или других частях организма которой член стоял колом. Что-то такое она вытворяла в постели — мама не горюй... Егор и не горевал, а имел на всякий случай отношения с тремя дамами сердца, дабы не лишать себя возможности правильного выбора. Если Егору выпадал отпуск на две недели, он лишался сна, мысленно заталкивая в этот период времени как можно больше приключений и путешествий. Он решал эту проблему всегда одинаково — пытался вместить в свою программу максимум городов, достопримечательностей, знакомств с людьми. Делал это воодушевленно, суетливо — так, как будто пытался закрыть крышку огромного чемодана, явно перегруженного вещами. Он пыхтел, чесал затылок, напрягал лоб, вскакивал, опять садился. Убегал из дома покупать какой-нибудь крутой путеводитель, возвращался, чтобы читать форумы путешественников. И так до бесконечности...

Егор не любил бывать дома. В его идеальной картине мира в качестве дома мог вполне выступать гостиничный но-

мер — безликий и повторяемый, в который не нужно приносить свою душу. В этом номере можно устроить бардак вселенского масштаба, но после того как ты выйдешь из него, притворив за собой дверь, чьи-то заботливые руки наведут в нем порядок. И он вновь станет стерильно чистым, прилизанным, ничем не примечательным. А завтра будет новый город, и новый номер, и новая женщина... Пока он отчаянно цеплялся за выбор, душа его была омыта утренней росой, как розовый бутон. Но как только он оставался в покое хотя бы час, его охватывала невероятная тревога. В такие моменты он становился мрачен и трагически невыносим для близких. Звонил родителям, которые в начале девяностых эмигрировали в Америку и спокойно жили-поживали вдали от своего беспокойного и очень требовательного сына. С несносным упрямством маленького ребенка мелочно припоминал им свои детские обиды и высказывал взрослые претензии. Послушать Егора, так его мама — Лидия Николаевна — до сих пор виновата в том, что Егор не знает английский в совершенстве. А это очень мешает карьере, сужает горизонты. Тот факт, что мальчику было уже под сорок, никого, похоже, не смущал. Он мог бухтеть про то, как они, гады, испортили его жизнь, часами, пока драма на том конце провода не становилась очевидной даже для него. Егор был катастрофически глух к чужой боли. Лидия Николаевна, как трепетная мать, предпочитала жить с сыном на разных континентах. Класть валидол под язык на таком рассто-

нении значительно проще. Градус патетики в разговоре неизменно возрастал до своей кульминации — фраз про валидол и сердечный приступ. И в этом случае Егор наконец сдувался, клал трубку, какое-то время задумчиво сидел за столом (с родителями он всегда разговаривал из своего кабинета), видимо, бесконечно жалея себя. Но уже через пятнадцать минут его быстрый ум оживал, приходил в движение в поисках новых стимулов для удовольствия. Егор начинал планировать одно мероприятие за другим, пока вновь не наполнялся жизненной энергией. Проекты визуализировались, требовали немедленного воплощения, он срывался с места в поисках счастья, бросался поглощать впечатления, новые блюда, новых людей. Переедал до эмоциональной тошноты и в этой связи всю свою жизнь воспринимал опосредованно — сквозь плотный фильтр своего торопливого ума. Как будто и не жил вовсе. Я тоже не жила. Когда была рядом.

Всех людей он делил на тех, кто верил в его гениальность, и на тех, кто в нее не верил. Тех, кто верил, всячески пестовал, демонстрируя чудеса великодушия и щедрости. Те, кто не верил, впрочем, тоже не особо его смущали. И даже, я бы сказала, нисколько не тревожили. Сам в себя он верил безоговорочно. Единственный момент, когда он бывал по-настоящему невыносим, в том числе и для тех, кто верил, так это в пьяном естестве. В угаре алкогольных паров он вдруг становился правдолюбом и начинал резать правду-матку. Сводилась она, то есть матка, к тому, что все во-

круг бездарны и даже права не имеют дышать с ним одним воздухом. Слушать этот бред было стыдно. Не только мне. Все друзья — даже те, кто верил сильно, — смущались, трезвели, пытались вяло защищаться. Веселье угасало, выдыхалось, как шампанское, простоявшее открытым сутки, и кто-нибудь из них, отводя меня в сторону, просил: «Динка, сделай что-нибудь, а?» И тут на сцену выступала я. Сама святость. Убаюкивала, увещевала, шуткой разряжала обстановку, которая к тому моменту сгущалась до неприличия. Заказывала крепкий кофе и, повесив на себя, как медаль, стокилограммовую тушу, удалялась из ресторана под оживающую беседу тех, кто верил. И верить не переставал никогда. Я знала, что говорить с Егором о его поведении будет бесполезно и на следующий день. Он искренне считал, что иногда тем, кто верит, не грех и место указать подле себя.

Справедливости ради нужно отметить, что он был хорошим репортером — стремительным, профессиональным, востребованным. Работал в «Независимой», потом в «Новых известиях». Побывал практически во всех горячих точках. Сейчас это словосочетание стало фигурой речи, тогда от него веяло могильным холодом, кровью и бедой. Его страсть к профессии неизменно вызывала уважение. Правда, если бы не манера Егора бахвалиться, рассказывать небылицы и страшно собой гордиться. Он имел на это абсолютное право, если бы его гордыня не выступала впереди него. Сквозь линзу крайней благорасположенности к себе его Я

проступало уродливо, искаженно, как из кривого зеркала. В этом состоянии ему непременно нужно было уничтожать чужие таланты и достижения. А поскольку я всегда находилась рядом, чаще всего попадала под раздачу. Это лишало меня опоры рядом с ним, как будто у меня оторвали крыло, как у бабочки, и я, трепеща одним, уже не могла взлететь.

Зачем же я вышла за него замуж? Ох, на протяжении многих лет я честно пыталась самой себе ответить на этот вопрос... Поначалу я тоже свято верила в его гениальность. А потом всякий раз, когда я собиралась уйти от Егора, он начинал печалиться глазами. И становясь почти трагически красивым, обреченно спрашивал меня: «Уходишь?» Я молчала или, наоборот, торопилась ответить: «Да, ухожу». Торопилась, потому что очень боялась своего сострадания. Он вздыхал, переполняясь жалостью к себе: «Как же я без тебя? Я же люблю тебя, Дина...» Иногда за любовь мы принимаем нашу возможность отражаться в другом человеке как-то особенно благородно, красиво или величественно. Егор любил свое отражение во мне. Я испуганно молчала, почти физически ощущая нежность, которая начинала подниматься откуда-то из недр моего женского естества: «Как же он без меня?» Я знала, что, если сейчас уйду от него, потеряю покой и сон и в своем внутреннем зеркале вдруг увижу какие-то страшные вещи — свой эгоизм или гордыню. Такое отражение мне не очень по душе. Всегда приятней лицезреть лик святой мадонны. Страдать с чувством удовлетворения,

все понимая про величие своей души и святости. Засыпать с чувством нравственного комфорта и ощущения своей силы. Когда ты все что угодно ради другого... В противном случае муки совести лишали меня покоя надолго. Они заставляли меня вновь и вновь переживать момент моего нравственного падения. И получалось, что я жила не планами и предвкушением будущего, а вновь и вновь рефлексировала, обращая взгляд в прошлое, проигрывала событие, в котором мне наконец вроде бы удалось отстоять свои границы, но при этом попать интересы ДРУГОГО. В общем, я думала: «Он, конечно, монстр, но это — мой крест!» Иногда я все-таки уезжала от него к Марго на несколько дней. Накачанная ее решимостью, как наркотиком, почти верила, что вот теперь уже совершенно свободна от своей ответственности за непризнанный гений Егора. Но он приезжал (самый большой период нашего расставания длился неделю) жалкий и побитый жизнью, умолял вернуть на место зеркало, в котором отражался во всем блеске своего таланта и величия. Я преисполнялась чувством долга и вины за невыполненные обязательства и не без колебаний возвращалась в наш дом. Колебания раз от раза становились продолжительней и мучительней. Мне все сложнее было выбирать его.

И тут наконец я забеременела. Эта история требует отдельного рассказа. Егор, конечно, инстинктивно чувствовал во мне материнскую сущность. Хотя какое-то время мы с удовольствием жили для себя. Мне было трудно захотеть

ребенка, ведь я его уже имела в лице Егора. «Дина, где мои носки? Ты не видела, где я оставил свои очки? Не подсказешь, мой костюм забрали из химчистки?» И кульминация: «Ди-и-и-на!!! Где мой билет? Через час регистрация, я не могу его найти!» Но стремление реализоваться как мама в каждой женщине заложено генетически. Это сродни земле, которая принимает в себя семя, напитывает его соками, растит из себя. Слова Егора, которые он интуитивно произносил не то чтобы с целью ввести меня в заблуждение, но сделать приятное: «Ты — единственная женщина, с которой я хотел бы иметь ребенка», — попадали в цель. Хотя воспринимать себя в расцвете красоты и сексуальности как эротический объект было значительно приятней. Это был золотой век наших отношений. Егор привнес в мою жизнь здоровую долю авантюризма. В ней было много радости, путешествий, смеха, встреч с друзьями, много интеллектуальных разговоров о прочитанных книгах и просмотренных фильмах, окрашенных непрерывным желанием друг друга. Секс заменял близость. Во мне пышным цветом расцвела самка. Он разбудил во мне женщину. Из кокона юной девочки-подростка вдруг проклюнулась роскошная бабочка — свободная, фантазийная, агрессивная в своем вожделинии, искушающая, дарящая наслаждение, непредсказуемая, балансирующая на грани кротости и дерзости, нежности и задора, заботы и отстраненности, похоти и романтизма. Я не родилась такой, я стала такой с Егором. И буду благодарна ему

за это всю свою жизнь. Я перестала опасаться мужчин, начала чувствовать и понимать их. Я расцвела тогда невероятно. Я всегда была довольна своей внешностью — стройная брюнетка с великолепной фигурой, выразительным чувственным лицом. Но в момент осознания своей сексуальности я умела лучиться светло-серыми, почти прозрачными глазами, что придавало особый шарм и наделяло животным магнетизмом. Со мной знакомились везде, стоило мне только появиться. Я искренне не понимала нытье других женщин о том, как трудно найти достойного мужчину или что все мужики — козлы. Во мне сформировалось очень ценное убеждение: «Ее величество встреча возможна всегда, в любом возрасте, везде — даже за углом, — если ты к ней готова!» Именно тогда моя внутренняя королева была возведена на пьедестал окончательно и бесповоротно. И в этом есть однозначная заслуга Егора. Золотой век наших отношений был возможен только на паритетных началах. Он поддерживал на пьедестале мою внутреннюю королеву, мне легко было верить в его гениальность. Я делала это изящно, принося в свою веру творческие идеи. И это неплохо работало на укрепление нашей семьи.

Все закончилось, когда я объявила Егору о своей беременности. Как это водится, произошло это неожиданно для нас обоих. Как только догадка моя подтвердилась, я, конечно, приняла решение оставить ребенка. Егора как подменили. Он забыл о трепетных фразах, что только со мной хо-

тел бы иметь детей. И был безобразно категоричен в том, что иметь он никого не хочет. Сейчас к ним не готов. И будет готов не раньше чем через пять лет. Меж тем мне было еще тридцать. Но для первой беременности — уже. Никогда не забуду термин «старородящая». Прерывание беременности в таком возрасте могло бы привести к невозможности реализовать свой материнский инстинкт когда-либо. Я всерьез задумалась... И — аллилуйя! — выбрала себя. То есть ребенка, о чем незамедлительно сообщила Егору. Сказать, что он сильно удивился, — не сказать ничего. Я, тяжелея день ото дня, наливалась внутренней решимостью. Самка уступила место матери, но не Егора, а нашего будущего ребенка. Королева внутри меня оставалась на пьедестале, задремав на какое-то время. Все аргументы мужа разбивались, как волны об утес, о мою решимость и непреклонность. Он умолял, переходил к угрозам, что с ребенком уже никогда не будет так, как без него (как будто для меня это было не очевидно!), скорбел, впадал в депрессию, уходил из дома, возвращался — я была неумолима. «Ты можешь уйти, но ребенок будет! И больше я не желаю это обсуждать».

В какой-то момент, когда аборт, на котором Егор настаивал, был уже невозможен, он сломался и затаился. Иногда я ловила на себе его отчужденный, как будто изучающий взгляд. Мое состояние развело нас по разные стороны баррикад. Я нуждалась в заботе и тепле, которые Егор в состоянии обиды категорически не мог мне дать. Слишком не го-

тов он оказался к такому повороту событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.